

25 июля (7 августа)

Исповедница Ираида Тихова

Исповедница Ираида родилась в 1896 году в селе Котове Мышкинского уезда Ярославской губернии¹ в крестьянской семье Осипа Ивановича и Анны Александровны Тиховых, у которых было семеро детей. С детства мечтала Ираида стать учительницей, но родители не имели средств, чтобы дать ей необходимое для занятия учительской должности образование. Окончив три класса сельской школы, она стала усиленно заниматься самообразованием, чтобы впоследствии сдать экзамены на учительницу. Сдавать экзамены она ходила или в город Мышкин, или в Ростов за восемьдесят пять километров, причем большую часть пути ей приходилось проделывать пешком. Но у Ираиды не хватило тогда знаний по некоторым предметам, и она не смогла по ним сдать экзамены.

В 1918 году в Угличе открылись годичные педагогические курсы при Угличской педагогической семинарии, на которые принимались люди, имеющие начальное образование. Ираида пообещала, что выучит те семь предметов, экзамены по которым не были ею сданы, и впоследствии выполнила обещание. Жажда знаний, жажда принести пользу детям превозмогли, казалось бы, непреодолимые трудности; из двадцати семи обучавшихся на курсах только трое сдали все двадцать шесть экзаменов, и среди них Ираида.

По окончании курсов ее направили учительницей в школу в селе Архангельском в Бору. В это время Ираида стала вести дневник², которому поверяла свои переживания, в нем она описывала и события, свидетельницей которых была.

«<...> [1919 год]. 12 ноября. Вот и курсы кончились, то, к чему я так стремилась, достигнуто, я учительница сельской школы. Назначена в школу Архангельского в Бору. Я приехала на место назначения. В густом лесу стоит село Архангельское, состоящее только из избышек келейниц, дома диакона и школы. Два дня под впечатлением новизны прошли незаметно, но сегодня что-то заволновало мою душу. Что бы это значило? Кажется, все так отвечает моему душевному настроению: прекрасная по виду и внутри школа, хорошие приветливые детки. Когда я в первый раз спросила их: „Детки, желаете перед уроком молитву прочитать?“ – все закричали: „Желаем, желаем“. Заставила девочку старшей группы прочитать молитву „Отче наш“, она ее прочитала, все время путаясь, сбиваясь. <... >

5 декабря. В школу явился ученик семи лет, просится учиться, я говорю ему: ты мал, а он отвечает: „Я буду шибче расти и догоню ребят“. Я ему: вот мы будем читать, а ты что же будешь делать? „Я послушаю“. Ну, послушай, послушай, посадила его за парту, и куда бы я ни повернулась, его маленькие черненькие глазенки везде следили за мной. Когда я детей спрашивала что-нибудь и они поднимали руки, то и он поднимал: „Все, – говорит, – так делают, и мне так же надо“. Как смешон и вместе с тем мил был он мне с этим во всем подражанием школьникам. В обед я дала ему букварь – старенький, говорю, а он отвечает: „С

¹ Полный текст дневника исповедницы Ираиды публикуется в Примечаниях в современной орфографии в соответствии с текстом оригинала.

меня и этот хорош“.

6 декабря. Праздник святителя Николая. Была в церкви. Вечером пошла в Углич. Пришла туда в 6 часов вечера. По дороге к Сергею Николаевичу^а встретила отца Серафима^б. Он сообщил мне, что назначен в епископы <...>. Так мне стало жаль расстаться с этим человеком, так много сделавшим доброго для меня. <...>

[1920 год]. 12 февраля. <...> Решила с учениками спеть обедню, все равно заодно уж отвечать-то. <...>

15 февраля. Сегодня Бог сподобил приобщиться вместе с учениками Святых Таин. Пели школьники обедню. <...>

11 марта. Сколько силы, глубины, красоты в слове „учитель“. А отвечаем ли мы вполне своему званию? Нет и нет! То невыдержанность характера, неуместный гнев, то лень по-настоящему заниматься. Господи, помоги исправиться. Стремлюсь, стремлюсь, а силы воли нет. <...>

На третий день Пасхи, 1 апреля, наша духовная радость еще усугубилась. Наш бедный сельский храм посетил и отслужил в нем Пасхальную вечерню и утреню преосвященный Серафим, епископ Угличский и Мышкинский. Той радости, того духовного торжества при совершении этой службы в нашем храме я не могу и выразить. Господи, помоги нашему архипастырю-отцу стоять до конца его жизни верным руководителем Церкви Христовой, помоги ему, Всевышний! Смотри и слушая такого высоконравственного человека, невольно как-то заражаешься той горячей верой в Бога, которою он сам горит. Появляется надежда и на наше воскресение в эти дни, дни полного отречения, богоотступничества, злобы, ненависти, коварства. Помоги ему, Матерь Божия, разогреть в нас веру, так крепко заледеневшую в нас.

15 апреля. Сегодня три человека, ученика, сдали книги, учиться им не позволяют домашние дела. Чуть не заплакала, когда стали прощаться, так жалко их стало, привыкла к ним, дороги стали они мне.

18 апреля. Сегодня случилась очень неприятная история с учениками, дело в следующем. Утром я пришла из Углича, ходила туда навещать больную сестру. Пришла рано, детей еще никого не было в школе. Через час пришли куряниновские, а потом и все мелентьевские, я так была рада, что из Мелентьева пришли даже те, которые сдали книги, говорят, мы хотим доучиться до конца учебного года.

Долго не было девочек из деревни Федотово, наконец, смотрю, идут, и с ними идет какая-то наряженная модная женщина. Прошли сначала в кухню, а потом все дети являются ко мне в комнату, а во главе эта женщина. Не поздоровавшись со мною, она прямо мне заявляет: „Примите от федотовских детей книжки, они больше учиться не будут“. Я спрашиваю: „Которая ваша девочка?“ Она мне: „Кольцова“. Я говорю ей: „Возьмите ее из школы, если она вам нужна дома, а другие пусть сами заявят, кому нельзя по домашним обстоятельствам ходить в школу. Мне кажется странным, что вы отвечаете за всех“. Она говорит: „У нас в деревне вчера было собрание, и решили всех детей

^а Сергей Николаевич Ярославский (1899–1990); в 1923 г. рукоположен во священника и назначен настоятелем храма в городе Угличе, в 1948 – принял монашество с именем Кассиан, в 1961 – хиротонисан во епископа Угличского, с 1964 – архиепископ Костромской и Галичский.

^б Серафим (Самойлович), впоследствии архиепископ Угличский, викарий Ярославской епархии. После его ареста и высылки Ираида Тихова много раз ездила к нему в ссылку, передавая собранные прихожанами продукты и деньги.

взять из школы". Так меня поразили эти слова, что я даже не нашлась ей ничего ответить, только сказала: „Пойдемте, дети, в класс“. Она в класс пошла даже вперед меня. Некоторые девочки в слезы, не хотят сдавать книги, а она им: „Ну, чево тут, сдавайте поскорей и домой пойдём“. Обращается к мальчишкам: „Костя, Ленька, Иван, сдавайте книги“. Те тоже стали колебаться. Я им сказала: „Мальчишки, останьтесь“. И они как-то неуверенно остались. Девочки из Федотова все сдали книги. Ну я говорю: „Давайте пропоём молитву на прощание“, – а у самой от волнения и голос пропал. „Господи, – думаю, – что же это такое, неужели родители на меня за что-либо озлобились, как будто не за что“. И так мне стало горько, тяжело, что не могу и выразить, да и с детьми расстаться в такой обстановке, когда у двери стоит часовой, тоже, как мне хотелось, как просило этого сердце, я не могла и невыразимо было жаль их. Сколько стоило усилий перенести все это, не могу и написать. Ушли дети. Осталось двенадцать человек, одна только девочка. Не знаю, как я дотянула до обеда, как шли уроки. Отпуская на обед, говорю девочке: „Отобедаешь, приходи ко мне в комнату посидеть“. Думаю, с ней мне будет полегче. Пришла она, села я с ней играть в камешки, вдруг являются мальчишки и говорят: „Ираида Иосифовна, девочки федотовские пришли“. – „Зачем?“ – я говорю. А они: „Мы бы доучились до конца, остальные придут в понедельник“. Их было только две. „Как же, – я говорю, – вас дома отпустили?“ Одна говорит: „Я отпросилась“. А другая: „Меня мама забранила, зачем я сдала книги“. – „Но ведь у вас вчера было решено никому не ходить в школу“. – „Нет, – отвечают, – было у нас собрание, только не по этому, а об учении ничего не говорили наши родители, это она все соврала“. Я так была этим обрадована, что могла только воскликнуть: „Господи, слава Тебе!“

Оказалось, что эта женщина была жена комиссара и приехала сюда только на две недели, и желала, чтобы дочка, которая воспитывалась у бабушки, была дома; взять ее одну из школы ей не хотелось, она и подстроила такое происшествие. Но, слава Богу, все окончилось так, как я желала. Решили ходить еще неделю, а там уже и кончить учебу. Теперь такое положение в школе, нет ничего определенного. Когда кончатся занятия, неизвестно. Надолго ли, тоже неизвестно. Но, главное, я была рада тому, что это не от родителей зависело, и тому, что я прощусь с детьми, поговорю с ними, как провести лето, и вообще о том, что подскажет сердце. <...>

27 апреля. <...> Сегодня утром в 5 часов ходили в Углич, я, Василий Жуков и Феодор Власьевич Ефимов. Запросить разрешения принять к себе в дома Покров Царицу Небесную и преподобного Паисия. Были в Уездном исполнительном комитете у товарища председателя Алексеева, до нас к нему за разрешением ходили два раза, но не получили. Горским дали только на одну их деревню, но когда пришли из Котова, то там увидели, что принять иконы – это желание всех верующих, всех крестьян. И пообещали сначала, а потом и дали разрешение на весь ход.

Господи, что это была за радостная весть. Сколько было торжества духовного в этот день и на следующий. Утром перед обедней крестный ход из Котова пришел к Покровскому монастырю, из монастыря вышел встречать его с крестным ходом преосвященный Серафим с духовенством и множество народа. Отслужили молебен и пошли в Покровский храм на литургию. После окончания литургии иконы Покрова Божией Матери и преподобного Паисия в сопровождении преосвященного, духовенства и народа двинулись в наше село, при пении духовных песнопений прошли всю дорогу до села. Там после молебна,

отслуженного владыкою, Божия Матерь пошла посещать со Своим угодником дома верующих. На другой день в 5 часов утра в наше село пришел Княжевский крестный ход. После обедни и молебна, совершенного владыкою Серафимом, архимандритом П., игуменом Павлом и двумя священниками, Покров Царицы Небесной и преподобного Паисия понесли в Княжево в сопровождении их крестного хода и всего духовенства во главе с преосвященным. Да, Бог послал нам такого архипастыря, чтобы разогреть наше оледеневшее сердце и направить наш ум к разумению слова Божия. <...>

1 октября. Была в церкви в Покровском монастыре, за всенощной и за обедней. Так было много народа, особенно за обедней, что невозможно было руки высунуть перекреститься. Слава Богу, нива, возделанная нашим архипастырем, дает богатый плод. Были люди за 30, за 40 верст. Обедня шла до 2 часов, и никто из народа не ушел. Все ждали благословения архипастыря. Благодарим Тебя, Мати Божия, за ту духовную радость и утешение, которую мы, недостойные, получаем в день честного Твоего Покрова, в Твоем Божественном храме. Помоги нам встать на путь добра, истины и веры! <...>

1 ноября. Воскресенье. Вчера всенощную и сегодня обедню совершал в Архангельском храме преосвященный Серафим. Велик был религиозный подъем в народе, произведенный проповедью: простой, прочувствованной, ясной. За всенощной владыка говорил о вере в Бога, о существовании Творца, мира видимого и невидимого. Всенощную пели свои певчие, а на обедню приезжали соборные певчие. Да, долго ждали мы приезда владыки, наконец Бог благоволил принять нам его. Народа за всенощную собралось много, пошли большею частью из любопытства, а не по побуждению религиозного чувства. Умилилось, однако, людское очерствевшее сердце, в первый раз, может быть, услышавшее с такой силой твердости и веры произнесенное архипастырем слово. Чем-то новым, облегчающим душу, ум и сердце, веяло от этих слов. Оборванные струны духовной жизни человека какими-то непонятными силами скреплялись, устраивался в одно музыкальное целое, духовное обматериалевший организм. Как сильно, благозвучно этот наладившийся инструмент по призыву владыки стал хвалить имя Господа, точно со всеми было возрождение, как будто, отряхнув прах животной жизни, все возносились к света Подателю и веков Творцу, Господу.

Всенощную пели свои певчие, на литургию приехали из Углича соборные. Обедня шла очень торжественно. За литургией после чтения Евангелия владыка продолжил свою проповедь о поклонении святым иконам, о тяготении мира к Своему Творцу. После литургии был крестный ход кругом храма. Был молебен Архистратигу Михаилу. Панихида на кладбище. Владыка сам ходил по могилкам. Во 2-м часу закончилась литургия, а народ из церкви не уходит. Он ждет благословения от архипастыря, к которому очерствелые, грубые сердца потянулись, как к солнцу, за теплом и светом и утешением. Да, поистине утешил он их духовно. Это можно заключить из слов крестьян: „Не ушел бы из храма, день и ночь стал бы слушать, да когда он опять-то к нам приедет. Да, дай Бог, чтобы поскорее снова нам встретить в своем мрачном лесу этого великого человека“. <...>

16 ноября. Господи, Господи! Что это творится? Что совершается? Вчера было собрание, и коллеги-учителя заявили: „Нельзя в классе делать молитву, нельзя висеть иконке, нельзя учить Закону Божию“. Что делать? Как быть, прямо не знаю? Оставить ли заведенное по-прежнему или подчиниться? Так тяжело, так скверно себя чувствую, что и не напишешь. Хлещет житейское море волнами,

изнемогаю... Кому открыть, кому поведать свое душевное состояние, не знаю, да и чувствую, что утешить меня никто не может. Плохо молюсь, не обращаюсь к Богу со своими горестями, и Он отринул меня от Своего Лица. Много обращаются ко мне за разрешением духовных вопросов, и не могу дать ответа, не могу объяснить, сама колеблюсь. Слаба вера. Господи, подкрепи! Падаю в пропасть. Когда будет конец всему этому, силы нет бороться? <... >

1 декабря. <...> В Угличе случилось интересное происшествие. На берегу реки Волги, недалеко от церкви царевича Димитрия, был поставлен памятник учителю социализма Карлу Марксу. На высоком пьедестале бюст этого социалиста, довольно большого размера. Много пришлось перенести неприятностей этой фигуре от <...> не признающих учение социализма, много, бедная, она пострадала от нанесения во все части головы физических оскорблений, пока последнее не довершило ее окончательно. В ночь с 27 на 28 октября вся фигура была окачена жидкостью из отхожего места, а при стуже все к ней пристало, примерзло. 28-го священники угличских церквей пять человек получают из Угличского Совета повестки, явиться сегодня в милицию. Двум нельзя было идти, были больны, а трое – отец Михаил Порсинский, отец Константин Успенский и еще кто-то, не знаю хорошо, явились. Им дали там железные острые скобели и послали очищать Карла Маркса от грязи, налепленной угличанами. Что было делать бедным священникам, как не повиноваться. Пошли. Пришли. Принялись за дело, но это было сделать не так-то легко, все умерзло, обледенело, инструменты данные не погодились. Отец Михаил попросил у сторожа лом. <...> Да слишком поусердствовал, отвернул Карлуше нос и щеку. Страшно сам испугался за последствия, да и милиционер, наблюдавший за ними, тоже; повели отца Михаила в милицию, посадили, сутки просидел, потом на суд, хотели наказать, да смилостивились, отпустили, потому что не нарочно сделал, ограничились только строгим выговором. В ночь на то же число у фотографии Русяева в витрине были замазаны той же жидкостью портреты угличских начальников, так уважаемых народом, тут пришлось за меры очищения приняться самому Русяеву. Да, творятся дела на Руси. <...>

[1921 год]. 16 марта. Была в Угличе на праздник Феодоровской Божией Матери. Да, люди ждут чуда, жаждут увидеть его воочию, а разве не чудо в наше время, отчужденности от Церкви, на каждом шагу проповеди атеизма, насмешки над верой и над всем святым, громадный собор, переполненный молящимися. Поистине чудо. <...>

1921 год. Вот уже начинается третий год пребывания, или, лучше сказать, прозябания моего в Архангельском. Приехала сюда 18 сентября, а сегодня уже 13 октября <...>. В школьном отношении то же, что и прошлый год, все просятся из той школы в мою, там совершенно нет учения, а теперь уже всех и приняла, учеников всех восемьдесят пять человек, занимаюсь поочередно, завтра придут младшие, с ними заниматься буду первый раз. Нет школьных работников, все бегут из школы, не дает начальство содержания учащим, нет никаких письменных принадлежностей для школы, все нет и нет, дожидая матушка Русь, сбилась с дороги, заблудилась в людском бору, нашлись путеводители бессознательные, безнравственные, сами блудят и другим не дают дороги поискать. Вчера кончила читать Тургенева „Новь“. Написано в 1876 году. И что же это, новь вошла теперь в моду, но только по виду. Как тогда эти Неждановы, Соломины, Марианны искали всенародного счастья, шли в народ, подбивали и его искать счастья, стучались лбами о его темную, но твердую в своих убеждениях жизнь и уходили назад

разочарованные в своей цели, убивали себя... (Нежданов) или уходили в свою собственную жизнь, там хоть люди-то были выведены борющиеся во имя идеала, а теперь под лозунгом желания добра народу обкрадывают его в физическом и нравственном отношениях и уходят в сторону, набив себе карманы. <...>

25 октября. Годовщина революции. Была в Угличе, для праздника арестовали трех священников и человек пятьдесят угличан. Сидят, бедные, томятся без видимой причины. <...>

21 ноября в Угличе при Преображенском соборе открылись богословские курсы. Слава Богу! Может быть, духовная пища их одухотворит нас, погрязших во мраке злобы. Записалась туда ходить, хотя 2 раза в неделю, но все-таки очень далеко. <...>

1922 год. 6 января, школа Архангельское. День Богоявления Господня. Нахожусь в школе. Вот уже и святки прошли, скоро, быстро время течет. Душевное настроение было хорошее вначале, родившийся Младенец Богочеловек послал мир, но совершающиеся события его рассеяли. С увлечением ходила слушать на курсы, преподаваемые там духовные предметы, как-то: общая церковная история, апологетика, катехизис, а теперь дело чуть ли не разлаживается, т.к. запретили преподавать светским людям, которые были преподавателями в школах: „или школа, или курсы“. Люди семейные задумались, как поступить, а их четыре человека, с их уходом с курсов получается большой недостаток в отличных преподавателях. Что-то будет? <...>

Февраль. 7-е число. От 8 января первый раз сегодня осталась ночевать одна в школе. Жутко без привычки. Отвыкла. То гостила монашенка, потом сестра, ночевали девицы, подруги, всё люди были, а сегодня одна. Но это необходимо. Лучше заглянешь в свою душу, разберешь там накопленный материал, того и другого качества. Да, что ни делай, что ни думай, а мне необходимо одиночество, а оно может быть тогда, когда я останусь на всю жизнь девушкой, хотя на все время одна тоже не могу, необходим человек, но человек, который бы не проявлял надо мною свою тяготеющую руку, не стеснял бы моей воли, с которым бы я могла поделиться душевными переживаниями, оставив на свободе свои чувства. Конечно, высока и ценна по своему значению брачная жизнь, но я для нее, пожалуй, не способна. Не удовлетворит муж, во всем подчиняющийся своей жене, нет к нему уважения, не удовлетворит деспот, стеснит мою волю, а середину не найдешь. Лучше Ты, Господи, направь меня по той дороге, где я могу больше принести пользы для других. <...>

24 февраля. Вчера была вечером на курсах в соборе. Читал лекции отец Василий Воскресенский³. Послание апостола Павла Коринфянам. И церковная история „Обращение Савла“. Запретили светским учителям преподавать на курсах, так один из них принял сан священника и стал одним из ревностнейших пастырей Церкви Православной, на курсах взял два предмета: Послание апостола Павла и церковную историю. <...> С 15-го по 18-е была в Угличе учительская конференция, где поднималось много важных вопросов относительно школьного дела, но ни к какому выводу не пришли. Остаемся в своих школах на прежних условиях ничегонеимения, ни бумаги, ни карандашей, ни перьев, ни мелу, ни книг, нет содержания и для обслуживающих школу. Не на что сделать в школе ремонт, а сколько было сказано красивых речей, сопровождаемых изящными жестами, и к чему. Не лучше ли бы было не держать четыре дня людей, а определенно и прямо заявить, что школы содержать государству нечем. <...> Много говорилось и о богословских курсах. Тот же заведующий в своем докладе о

ходе школьного дела заявил между прочим: „О работе техникума я не знаю хорошо, но смотря по тому, что из него 10 человек посещают богословские курсы, работа там непродуктивна“. Все почти присутствующие, за исключением двоих <...>, выразили ему на это горячий протест, но безуспешно, он остался при своем. Поднимался вопрос о преподавателях курсов, чтобы возвратиться им на курсы читать лекции, – безуспешно. Одно твердит: „Не позволю“. И на этом кончилось.

Господи! насколько мы малодушны, бедны, слабосильны. Вера слаба. Спаситель! подкрепи ее в нас. Ведь без Тебя мы жить не можем. Бьет волнами бурное жизненное море. Попали под течение, не справимся. Летим в пропасть. Помогите, встань Ты, Преблагий, Премилосердный, на корму и возьми Своею дланию руль, только и может быть помощь нам „от Господа, сотворшего небо и землю“ [Пс. 120, 2]. <...>

9 марта было собрание в Чурьякове всех школьных работниц волости при присутствии двух заведующих, волости и уезда. По окончании собрания мне было предложено заведующим уездным А.П. Серовым оставить школу или богословские курсы, т.к., по его словам, для советской государственной работницы несовместимо присутствовать в школе и на религиозных собраниях, курсах. Долго пришлось с ним говорить на эту тему. Сначала был поставлен ультиматум: „школа или курсы“, но затем все мягче и мягче. Сразу я на эти слова не ответила, выждала, когда он выльет весь запас слов о происхождении человека, о происхождении мира видимого, полнейший атеист. „Неужели вы верите, – спрашивает он, – что мир сотворен Богом?“ Отвечаю: „Ни разу в этом и не сомневалась“. – „Верите в то, что человека сотворил Бог?“ – „Да, верю!“ Стал разубеждать. „Человек произошел по теории эволюции путем постепенного развития, от первоначальной клеточки, дошло до обезьяны, обезьяна превратилась в человека“. – „Сколько, – спрашиваю, – прошло с тех пор лет, как обезьяна вылилась в форму человека?“ – „Около трехсот тысяч лет“. – „Почему по закону эволюции (который не должен останавливаться на такой долгий период времени) за эти триста тысяч лет ни одна обезьяна не превратилась в человека и человек остается все в той же степени развития, физически еще даже уменьшается, а не двигается вперед?“ Ответил как-то неопределенно: в одном году в раскопках нашли скелет не то человека, не то обезьяны, и это дает предположение, что человек произошел от обезьяны, и в этом роде еще. „Вот что, – говорю, – Александр Прокофьевич, вера моя создавалась не на курсах, туда я пришла для получения некоторых знаний, и прошу вас оставить меня в покое, из школы я не уйду, потому что люблю ее всей душой, не уйду и с курсов, потому что кроме получаемых (там) научных сведений я отдыхаю там нравственно“. И вот его последние слова: „Другим я определенно говорил: школа или курсы, а вам этого сказать не могу“. Слава Тебе, Боже, слава Тебе.

С 11-го на 12-е ночь молились все монашенки и много мирян в женском монастыре. Была общая исповедь. Исповедовал преосвященный Серафим. Описать, пересказать тот великий акт исповедования невозможно. Преосвященный своим мудрым, от всего сердца словом заставил в один час просмотреть всю свою жизнь и оценить ее положительную и отрицательную стороны. Но Боже! буди милостив ко мне грешной. Нет греха, кой бы я не сотворила. Не убила физически – убила словом. Не сотворила явно прелюбодеяния – согрешила мыслями. Ведь иногда и исповедуешь свои грехи, но не сознаешь, не чувствуешь их тяжесть, но тут пришлось все пережить, перечувствовать. Да неужели это не Бог влагает слова в уста и сердце

преосвященного? Откуда же бы он мог почерпнуть те дивные глаголы? Дивна дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси. <...>

Вышел декрет об отобрании церковного имущества, как-то: священных сосудов, крестов и вообще драгоценностей, в пользу голодающих. Но что-то сомнительно, для них ли? Сколько ни собирали в пользу голодающих деньгами, вещами, продуктами, но они, несчастные, ничего не видят. А про эти предметы, которые дороги каждому верующему по своему духовному значению, и говорить не приходится. Ведь они представляли бы громадную поддержку для власти и в материальном, и в общественном значении, а до их значения нет им дела.

Послание Святейшего Патриарха Тихона^а, в котором призывается твердо стоять на защите церковного достояния. Помоги, Господи!

Конечно, если бы это могло принести пользу голодающим, то об этом не было [бы] и речи, но всем русским людям приходится в этом сомневаться, и небезосновательно.

24 марта. Ухожу на Пасху домой, но не знаю, попаду ли. Завтра необходимо быть в Угличе. Курсы кончились, очень жаль, все на прощание снялись у собора. Что-то будет завтра в соборе. Назначено собрание по вопросу об изъятии церковного имущества в пользу голодающих.

Апрель 15-го числа. Совершилось! Вчера в женском монастыре была комиссия для изъятия ценностей, и – о, ужас! – православными руками, христианскими (члены комиссии все православные), снято 18 риз с икон, взяли 6 сосудов, 3 креста, 2 кадила, 2 ковчега. Господи! Плачем о беззакониях наших, ведь все мы своим нерадением, равнодушием к храму, беззаконным делом создали это. Господь сказал: „Грех ради человеческих не пощажу святыни Своей“. Спаситель! согрешихом, беззаконовахом, неправдовахом пред Тобою, но не предаждь нас до конца, умилосердися, не погуби. Покров Царица Небесная, покрый омофором милости Твоея. <...>

29 октября. Суббота. На улице сырость. Каждую ночь идет дождь. Волга уже была замерзши, а теперь лед весь прошел. Дети из-за грязной, сырой дороги плохо посещают школу. Как жаль мне их. Многим не на что купить настоящей обуви, да ее и нет, и благодаря этому приходится сокращать и без того малое образование деревенских детишек. А как хотелось бы прожить с ними хотя бы до 15-летнего их возраста. Что эти две-три зимы, проведенные в школе. Только успеешь привыкнуть к ним, освоиться с их индивидуальностью – и разлука... разлука навсегда, и очень тяжело переживаемая. Первый год у меня нынче был выпуск моих приемышей. Как они мне за эти три года сделались близки, я любила их, но они ушли. Как тяжело, если так будет продолжаться всю жизнь. Примешь, привыкнешь – и разлука. Они приходят ко мне, но приходят только побывать, они уже не члены нашей школьной семьи, хотя (как видно из их писем) они еще живут школою, но все сотрется их домашней жизнью.

Предоставлен выбор на жизненном пути. Сватается жених, вполне отвечающий моему душевному настроению, С[ергей] Н[иколаевич] Я[рославский]. Но не могу решиться выйти замуж. Не могу расстаться со школой. Жаль этих Маней, Ваней, Нюшей. Ведь и на короткое время я буду лишена возможности их видеть и жить с ними. Не могу выкинуть из сердца тех, коих я люблю всей душой. Да и время не позволяет устраивать свою личную жизнь. Боже! как мы еще живем, движемся. Трудно жить, когда нет Тебя с нами. Доколе,

^а Святитель Тихон (в миру Василий Иванович Белавин), исповедник, Патриарх Московский и всея России; память 9/22 февраля, 25 марта / 7 апреля, 26 сентября / 9 октября, 5/18 ноября.

Господи, забудеши нас? Доколе отвращаеши Лице Твое? [Ср.: Пс. 12, 1]. Сильна, видно, молитва за нас, недостойных, дорогих архипастырей и пастырей, в темнице сущих. А то погибли бы мы в беззакониях своих. Сидят они, страдают, по тюрьмам всей Руси, за веру, за любовь, за правду и своим терпением, своей стойкой твердостью дают надежду, что не все еще потеряно, есть надежда на избавление. <...>

[1923 год]. 28 февраля. Последний день месяца, хоть вкратце черкнуть пережитое. 2-й год февраль дает себя знать. Заступница, не отступись. Все живу ничего, сознаю все свои слабости, а как дошло до конца февраля, опять по примеру прошлого года лучше всех. Господи! отжени от мене врага. Помоги снова встать на свою дорогу. Так тяжело, что и не напишешь. Хороша – хороша, а у самой лед вместо сердца. Создатель! Помоги! направь на путь истины Твоей!!!

За храмы платить деньги надо, не заплатишь, служить нельзя. <...> Слышится, что скоро будет и на церкви, и на духовенство еще налог, который будет усчитываться уже миллиардами. Но все равно не откупимся за свои беззакония деньгами. Надо нравственно перестрадать, перечувствовать, что имели и не хранили. Двери храмов сотни лет были бесплатно открыты для нас. Не ценили этого сокровища, а теперь стонем. Да кто же и виновен в этом, как не мы сами. Боже, пощади! обрати нас (как Ниневию) к покаянию, да сознаем всю гнилость, нерадение наше. Помоги! не отступись! <... >

5 марта со многими пришлось поговорить по душам. Слава Богу, замечается переворот, или, лучше сказать, потуги к усовершенствованию. Все антирелигиозные лекции-беседы стали принимать другое направление. Слушатели стали глубже рассматривать все поднесенные в готовом виде термины – о несуществовании Творца мира видимого и невидимого. Та ложь и пошлость ошеломила их. Стали поговаривать, что есть и Бог. Накануне дня своего Ангела по дороге на всенощную в собор встретила с одним из школьных работников (бывшим атеистом). „Куда вы?“ – спрашиваю. „Да, вот, – отвечает, – в маленькую церковь на берегу Волги. Хочу исповедаться“. – „Вы, – говорю, – исповедаться?!“ – „Да, я иду исповедоваться! Пора, – говорит, – встать на истинный путь“. Пора сознаться в своем заблуждении. Чем глубже уходишь в науку, тем больше сознаешь узость, односторонность своих взглядов. – „Бог есть“. Как отрадно слышать эти два маленьких, но многозначных слова во время, когда власть рассылает по школам бумажки: „Никто из учащихся не имеет права принимать участие в церковном богослужении. Ни петь, ни читать. В тех местах, где бывают учащиеся, – вынести святые иконы. Если школьная квартира учащего соединена со школой, то из нее тоже иконы вынести, и учащий не имеет права пригласить в свою квартиру даже духовника“. При прощании мой знакомый сказал: „Верьте, что многие стали возвращаться к своей матери Церкви“. Слава Богу. <...>

10 марта был в школе инструктор и удивился при опросе детей их общественной неподготовке. Мне замечание: „Учебная сторона у вас, как и всегда, идет хорошо <...>, а в политическом отношении дети недоразвиты, да и вас, – говорит, – я привык видеть всегда веселой, жизнерадостной, а теперь замечая перемену“. Да, это истинная правда! <...> как-то и язык не ворочается начинать этих Ванюшек, Колюшек, Машуток советской Конституцией, историей социализма и историей первобытного человека, произошедшего эволюционным путем от обезьяны, обитающей на острове Ява, который и переименовали теперь в тот рай, в котором жили наши праотцы Адам и Ева. Как говорить это детям: „Человек произошел от обезьяны, а не сотворен Богом“. А откуда же появилась

на Яве обезьяна? Люблю школу, это душа моя! Но невольно теперь приходит мысль: не уйти ли? Ведь такой работницей, какая требуется теперь для Советской России, я быть не могу, а самой притворяться и этим огораживать себя не по силам. <...>

2 октября. О, радость великая! О, дорогой, всеми чтимый праздник Покрова Божией Матери! Благодарим Тебя, Владычице, что Ты усугубила нашу радость. На праздник освободили из тюрьмы нашего дорогого страдальца епископа Серафима. Освободили окончательно. Служил молебн, всенощную и литургию.

Слезы, слезы благодарности лились к подножию Вышнего престола и выражали тем ему приветствие от всех. О Мать Пресвятая, о Божий угодник Паисий, примите его вы под кров свой, от бед и напастей его сохраните.

25 октября. Каждый день собираюсь писать в этой тетрадке и каждый день откладываю на завтра. Сегодня ведь праздник – годовщина революции. Вот уже шесть лет промучились. Сколько-то еще осталось? А чтобы все переживаемое в эти годы записывать, все из ряда вон выходящие события, а их ведь много, чуть не каждый день все новое и новое. Взять хотя экономическую сторону государства. Каждый день цены повышаются на продукты. Повышаются не на гроши или копейки, а на миллионы рублей, прежний серебряный рубль повышается ежедневно на 30–40 и 50 миллионов рублей. К сегодняшнему дню он ценится в 700 миллионов рублей. Купить кожаные сапоги – надо заплатить за них 12 миллиардов рублей, а крестьянская корова стоит 15 миллиардов. 1 пуд ржи 850 и 900 миллионов. Валенки 3 миллиарда. Аршин ситцу 400 миллионов. Картофель 100 и 120 миллионов мера. Как крестьянство проведет год при нынешнем неурожае и при таких громадных налогах? Один только Бог знает. Налог за землю, за лошадь, за корову, за свинью, за дом, за огород, за церковь, за землю под церковью, да просто за все. <...>

5 ноября. Воскресенье. Сегодня венчали девицу из певчих. Выходит в свой приход в деревню Федотово. До церкви одна только верста, а петь ходить все равно не будет. Все выходят и выходят. Осталось в хоре только две девицы. Дай бы Бог и мне выйти, но спаси Пресвятая Богородице! не замуж, а в поле, в широкое поле учения, для пополнения своих скудных знаний. О, только бы хотя иметь надежду, что это случится. И чтобы жить было легко. <...>

9 ноября. <...> день читала книги, полученные от отдела народного образования для внеклассного чтения учащихся. Получила 62 книги, а дать почитать детям нечего. Хорошо они не поймут содержания (так и читать для них неинтересно), а поймут, какая для них польза, нет почти во всех книжечках ни одной светлой стороны. Все порок и порок. Зачем же давать детям их? Зачем их развращать? <...>

[1924 год]. 28 февраля. Праздник – Свержения самодержавия. Занятий нет. Для праздника приехали ко мне два неожиданных гостя: инструктор губернский и уездный. Вот уж, что называется, поздравили меня с праздником! Нет революционности в школе. Нет в школе детей, весело проводящих праздник. Нет плакатов на стенах, характеризующих современные события. Слишком много пахнет церковностью и т.д.

Стою, слушаю и думаю: о революционном настроении судят по стенам; да, я, пожалуй, надену маску, налеплю на стены плакаты с надписями „Да здравствует советская власть“, „Вечная память ее вождю товарищу Ленину“, „Бороться до победного конца“, „Голодранцы со всего свиту, собирайтесь до

купы“ и т.д., а о чем все это будет говорить, будет ли оно относиться к педагогической деятельности и будет ли говорить о моей революционной настроенности? – Нет. „Поменьше церковности, побольше революционности“, а толк-то от этого какой?

Господи, как это все надоело. Когда же конец? Притворяться не умею, и за это всегда попадает, а в учительницах держат. Ну и гнали бы. Самой уйти сил не хватает. <...>

16 марта. <...> Учиться страшно хочу, да не знаю, как за дело взяться. Да что-то те, которые меня учили раньше, не советуют, говорят: „Надо пообождать“. Как видится, боятся той развращающей среды, в которую придется войти. Господи! ведь не все же там плохие люди. Ведь хороших все больше, да и притом никто не знает, как я живу сейчас, теперь, чем полна моя жизнь. Часто приходится мне слышать о том, что я веду жизнь ненормальную. „Никого не любя и никем не интересуясь, – говорят, – жить нельзя“. Правда – совершенная правда! Но люблю ли я кого? Кем и чем полна моя жизнь, этого никто не знает. Для меня она полна и нормальна. Другой жизни я и не желаю. Об одном только прошу Господа, чтобы Он не прогневался на меня. Не взял бы от меня то, что Он дал мне, и помог бы сохранить все в тайне. Бывает и тяжеленько, и ой как тяжеленько, но Бог милостив, проходит, проходит, не оставляя следа. <...>

26 марта. Сегодня возвратилась из Углича. Ночевала там три ночи. Так было хорошо там, в Угличе, так хорошо, пожалуй, и не выразишь пером. Господи! как многомилостив Ты! Как Ты печешься о Своих созданиях, дорогой Ты наш Искупитель. С 23 на 24 марта в соборе была для всех желающих общая исповедь. Исповедовал наш любимый архипастырь епископ Серафим. Полный храм народа, все с жадностью ловят каждое слово архипастыря, слово прочувствованное и глубоко переживаемое им самим. Все слились во единое-общее и нераздельное существо. Различий нет. Все братья и сестры. Да, велик этот момент духовного единения друг с другом. Помоги, Спаситель, нашему светильнику гореть светом Твоей Божественной благодати. Поддержи его на его многотрудном пути. Тако да просветится свет его пред человеки!

Часто слушаю его проповедь, не слова действуют умиротворяюще на душу, не доказательство какого-либо догмата, а та вера, то глубокое, духовное настроение, которым проникнута проповедь. Нет (как видится), вера проста, неделима, как просты и неделимы первичные существа: огонь, воздух и вода. Ведь другой раз какое-либо одно слово, но сказанное от истинно верующего сердца, бывает сильнее всех научных доказательств. А у него все, каждое слово, каждое дело проникнуто горячей верой. Помоги, помоги ему, Господь! <... >

10 сентября 1924 года. Вот и шестой год у Архангела, верно так Богу надо, если Он только от меня совсем не отступился. Хотела учиться, не удалось, хотела перевестись на другое место – пожалели. Учеников 78 человек. Необходим еще учащий, кого-то назначат? <...> Открывая эту тетрадь, я удивилась, как долго я ничего не писала, а много было интересного пережито за это время, много было и тяжелых моментов. <...> В это время опять был арестован и посажен в подвал наш дорогой владыка. Сидел с лишком два месяца, почти не выдавши света Божьего. Много пришлось ему пережить, переиспытать за это время всего. <...>

22 октября. Праздник Казанской иконы Божией Матери. Сегодня исполнилось 5 лет с тех пор, как я в первый раз пришла к Архангелу. Да, уже 5 лет, как я в этой школе учу. Много за это время (как говорят) „воды утекло“. Прочитала 1-й день занятий в школе. Там была еще в школе молитва, а теперь?

Теперь даже и самой нельзя ходить в Архангельскую церковь. Откажут от места, если пойдешь, а чем же жить без школы? Без детей? Господи! неужели Ты прогневаешься на меня и отнимешь у меня церковь в Угличе? Там бывает полна моя душа, особенно за богослужениями нашего дорогого страдальца за веру православную и всех нас е[пископа] Серафима. Завтра ему опять явиться в Рыбинск на допрос. Что-то скажут? Пресвятая Дево! буди ему помощница и заступница, моли Сына Твоего, да укрепит его, как столп непоколебимый, среди бурь и волн житейских! <...>

15 ноября. Первый раз со времени назначения в школу учительницы одна в школе. Как хорошо! Господи, как хорошо! Как мне благодарить Тебя за все благодеяния, а я еще колеблюсь – сбивают с толку. Нет и нет, не будет этого, а будет так, как было, есть и будет. Прочь все сомнения! все темные хитрые нашептывания! Бог и добрые люди еще, верно, не покинули меня. Вперед, по прямой дороге! Довольно, 2 месяца и так промучилась, проколебалась, протрадала, ведь это не жизнь, а пытка, но, может быть, и она необходима, чтобы не загордиться, не поднять нос кверху. <...> Зато как что-то хорошо теперь. Легко, уверенно, хорошо! Помоги, Господи, Покров Царица Небесная, и впереди перенести все бури и искушения! Не отнимите у меня этот дорогой талисман, который дает мне силы переносить все искушения, твердо стоять на избранном пути».

В школе в селе Архангельском в Бору Ираида проработала пятнадцать лет. Для детей она была не только учительницей, но и религиозной наставницей, и другом, и доброй няней, она подолгу беседовала с ними о насущных для них проблемах, вязала им рукавички и катала на санках.

В 1934 году Ираида Осиповна была арестована за то (как свидетельствовали жители села), что хранила в школьных шкафах богослужебные книги, спасая их от уничтожения. Через месяц она была освобождена и собиралась было уже продолжить работу в этой же школе, однако районный отдел народного образования не дал на это согласия, предложив преподавать в другой школе. Ираида Осиповна на это не согласилась, уволилась и переехала жить в родное село Котово, став псаломщицей и членом двадцатки в Успенском храме. Священником здесь уже много лет служил отец Константин Соколов. Во время церковной смуты в конце 1920-х – начале 1930-х годов он остался верен архиепископу Угличскому Серафиму (Самойловичу) и за богослужением поминал только Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Крутицкого Петра и архиепископа Угличского Серафима.

В Рыбинске в это время после освобождения из заключения поселился епископ Василий (Преображенский), который вскоре познакомился со священником Сергием Ярославским, служившим с 1941 года в Дмитровской церкви в городе Угличе. Отец Сергий познакомил епископа Василия с Ираидой Осиповной, и та пригласила его жить к себе в село Котово. 1 апреля 1942 года владыка переехал в Котово и договорился со священником Константином Соколовым, чтобы в будние дни служить вместе с ним утреню и литургию в присутствии только самых близких людей; позже на огороде у Ираиды Осиповны, в баньке, был устроен небольшой храм.

Ираида Осиповна познакомилась владыку с девушками, певшими в храме, и они стали навещать его; так в селе образовался религиозный кружок, но просуществовал он недолго. Пребывание епископа в селе было замечено, и за ним началась слежка. Тем временем один из отделов НКГБ без всякой связи с

епископом Василием начал всероссийскую разработку дела под условным названием «Проповедники», когда стали арестовывать епископов и священников, не имевших регистрации от властей, а заодно и тех, кто был с ними знаком.

В 1942 году на Ярославскую кафедру был назначен архиепископ Иоанн (Соколов). Верующие и духовенство боялись его, так как знали, что он уже давно тесно сотрудничает с НКВД, иные священники во время его приездов отказывались с ним служить, как это было, например, в Вологде, где его считали предателем Церкви, принесшим немало зла людям. И действительно, сразу же после отъезда архиепископа из Вологодской епархии многие из духовенства были арестованы.

В августе 1943 года архиепископ Иоанн прибыл в Углич и послал некую женщину в село Котово к священнику Константину Соколову, приглашая его служить в Углич, чтобы затем вместе с ним послужить в Успенской церкви в Котове. Посланная потребовала, чтобы священник дал ответ немедленно, причем письменный. Отец Константин отказался ехать, отказался давать и письменный ответ, сказав лишь, что ни сам не поедет в Углич, ни в Успенской церкви служить вместе с архиепископом Иоанном не будет. Женщина попросила, чтобы ей в устройении службы оказала помощь Ираида Осиповна, но та отказалась, потому что, как писала она впоследствии, у нее не было определенного хора, а пели певчие из разных приходов, и провести архиерейскую службу они не смогли бы.

Архиепископ Иоанн обратился тогда к гражданским властям, чтобы те лишили священника регистрации и, само собой разумеется, возможности служить легально. Последнюю службу в Успенской церкви отец Константин отслужил 20 августа 1943 года. Церковный совет, в который входила Ираида Осиповна, стал хлопотать, чтобы отцу Константину дали возможность дослужить до смерти, в то время ему уже было почти семьдесят лет. Он прослужил в приходе около тридцати лет и пользовался среди жителей села большим авторитетом. Но церковному совету было в этом отказано. Священник Константин Соколов умер 26 апреля 1944 года, когда Ираида Осиповна уже находилась в тюрьме.

5 ноября 1943 года Ярославским НКГБ по обвинению в участии в антисоветской нелегальной организации и проведении антисоветской агитации были арестованы епископ Василий (Преображенский), келейник епископа Афанасия (Сахарова)^а иеромонах Дамаскин (Жабынский) и Ираида Тихова и заключены в тюрьму № 1 в Ярославле. Ираида Осиповна предъявленные ей обвинения отвергла. Ей было указано, что в антисоветской деятельности ее изобличают свидетели. «Пускай изобличают, – ответила она, – я по-прежнему буду говорить одно и то же, так как антисоветской деятельности у меня не было».

– Вам зачитываются показания одного из свидетелей о ваших клеветнических измышлениях против руководителей советского правительства...

– Это ложь. Против руководителей правительства и руководителей советской власти я никогда ничего не говорила. Являясь глубоко верующей, я только проводила активную церковную работу.

– В чем выражается ваша церковная работа?

– Я состояла членом совета Котовской приходской общины. Моя деятельность выражалась в том, что я относилась в райфинотдел налог за священника. Когда был отстранен священник села Котова Соколов от службы, я

^а Священноисповедник Афанасий (в миру Сергей Григорьевич Сахаров), епископ Ковровский, викарий Владимирской епархии; память 15/28 октября.

хлопотала о восстановлении его обратно на службу в эту церковь.

– Следствию известно, что ваша антисоветская церковная организация использовала церковь в селе Котове для преступной работы против советской власти. Расскажите об этом.

– Я это отрицаю. Хотя церковь в селе Котове не принадлежала сергиевцам и обновленцам, а была старо-тихоновского направления, но никакой работы против советской власти не проводилось и ни в какой антисоветской организации участия я не принимала.

3 марта 1944 года следствие по делу Ираиды Осиповны было закончено, но только 7 октября 1944 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило ее, как социально опасный элемент, к пяти годам ссылки в Коми область, и она была отправлена в Сыктывкар, где работала на обувной фабрике.

25 апреля 1945 года Ираида Осиповна подала заявление в НКВД. «Прошу особый отдел пересмотреть мое дело, снять с меня ссылку, дать возможность вернуться в свою родную семью, – писала она. – Там ждут моей помощи две старухи сестры и больной брат, прослуживший в армии германскую и гражданскую <...>, да и мое здоровье плохое <...>. Прошу вернуть меня в село Котово <...> на свою родину».

27 сентября 1945 года ее заявление было рассмотрено Секретариатом Особого совещания и в удовлетворении просьбы отказано.

25 июля 1948 года в соответствии с приказом за № 00115 от 23 марта 1948 года Министерство госбезопасности распорядилось выслать Ираиду Тихову из Коми области в Кустанайскую область, куда в массовом порядке переводились многие ссыльные. Однако, поскольку срок ссылки Ираиды Осиповны кончался уже в ноябре, она была оставлена в Сыктывкаре, откуда ей было разрешено уехать 6 ноября 1948 года. И она вернулась домой.

Успенский храм в селе Котове в середине 1950-х годов был закрыт. Приехавшая из города комиссия изъяла из него церковную утварь, в храме оставались только иконы и церковные книги. Ключи от храма хранились у Ираиды Осиповны, но время от времени замки взламывались и храм разграблялся; она ставила новые, но остановить варварское разграбление и уничтожение церковного имущества было невозможно.

Ираида Осиповна вела благочестивую жизнь, предоставляла в своем доме приют для странников, послушниц и монахинь, многие из которых только недавно освободились из ссылок и концлагерей. В ее доме вычитывался в то время весь богослужебный круг. Особенно любили Ираиду Осиповну дети, с которыми она часто занималась по тем или иным предметам, разучивала с ними стихи, учила молитвы, она рассказывала детям о мире Божием, в котором, несмотря на все сопровождавшие человека скорби, столь ощутимо присутствие Господа, Который дает душе человека отраду и утешение.

Ее брат, Иван Осипович, был человеком несемейным и служил летчиком. В 1955 году он попал в аварию, после которой его парализовало; двенадцать лет он пролежал в постели. Ираида Осиповна ухаживала за ним, хотя ее физических сил и здоровья, подорванного заключением, со временем становилось все меньше. В конце концов она вместе с братом переселилась в баньку, которую протопить было легче, особенно зимой, нежели большой родительский дом, где они теперь остались одни.

Ираида Осиповна скончалась 7 августа 1967 года и была погребена на сельском кладбище около Успенской церкви, рядом с могилами родных.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.2»

Тверь. 2016. С. 57–83

Примечания

¹ Ныне деревня Котово Угличского района Ярославской области.

² «1919 год. Архангельское в Бору.

12 ноября. Вот и курсы кончились, то, к чему я так стремилась, достигнуто, я учительница сельской школы. Назначена в школу Архангельского в Бору.

Я приехала на место назначения. В густом лесу стоит село Архангельское, состоящее только из избышек келейниц, дома диакона и школы. Два дня под впечатлением новизны прошли незаметно, но сегодня что-то заволновало мою душу. Что бы это значило? Кажется, все так отвечает моему душевному настроению: прекрасная по виду и внутри школа, хорошие приветливые детки. Когда я в первый раз спросила их: „Детки, желаете перед уроком молитву прочитать?“ – все закричали: „Желаем, желаем“. Заставила девочку старшей группы прочитать молитву „Отче наш“, она ее прочитала, все время путаясь, сбиваясь. Нет, все это не то! меня не пугает школа, я не боюсь, что потухнет мое желание учить, нет, я чувствую еще больший прилив энергии. Боялась идти в Совет. Сегодня была. Познакомилась с заведующим отделом народного образования. Такой симпатичный деловой господин. Пришла домой. Вечер... Одна, совершенно одна в громадном здании школы. Грустно... да надо терпеливо хранить свою тайну, ни с кем ее не разделяя и никому ее не выдавая. Помоги мне, Боже, сохранить ее в самой себе, пусть не знают ее люди, пусть она живет только во мне одной, пусть служит мне отрадою и страданием. Но довольно...

13 ноября. Сегодня занималась в школе как и [слово нрзб.] учительница. У всех трех групп было по 4 урока. Интересно прошел урок пения. Пели гамму, и девочки никак не могли протянуть до низа, это, говорят, по-мужиковски, насилу смирились. Вечером переписывала акт о приеме школы и ее имущества. 9 часов, ложусь спать. Нет света.

14 ноября. В школе прошло так же, как и вчера.

Вечером ко мне из дома пришла сестра, я была ей очень рада.

15 ноября. Занятий в школе не было. Ходила на общее учительское собрание в деревню Матвеевку. Познакомилась там со своими коллегами, но в их обществе мне чувствовалось что-то не по себе. Как будто я ворона да опять залетела в те же хоромы, из которых только что вылетела, а хотелось что-нибудь новенького, свеженького, а тут опять старым пахнет. Но, может, это мне сначала показалось, посмотрю, что дальше-то будет.

16 ноября. Воскресенье. Пела на клиросе, читала часы. Днем составляла списки учеников для отдела народного образования.

17 ноября. Занималась до 12 часов. Потом пошла провожать сестру домой. Возвратилась в школу, скучно, грустно, тяжело... Нет ни родных, ни близких мне дорогих лиц. Как в эту минуту желала бы я видеть кого-нибудь из них, сказать бы только одно слово. Да как ни скрывай от себя, как ни лечи свою душевную рану, приходится сознаться, что это правда. Господи, Ты все знаешь! Помоги мне!

18 ноября. Приехала мама из дома, писать некогда.

19 ноября. Канун праздника Михаила Архангела. Приехали гости из монастыря. Матушка игуменья и матушка Амвросия. Вечером пела всенощную.

20 ноября. Встала в 3 часа утра, хозяйки дело, истопила печку, все приготовила. Ходила к обедне. Служба в алтаре была очень торжественная, но все испортил хор, поют очень скверно. Народу в церкви было много. После обедни было у меня архангельское духовенство, отслужили молебен, потом пили чай. Вечером проводила домой гостей из Богоявленского, и опять эта волна захватила меня; когда есть около меня люди, я как будто немного забываю, что это? Какая-то безотчетная нерешительность, не могу взяться за руль и направить к берегу, хотя и опасно, но все плаваю. Нет силы воли, а говорят еще, что у меня твердый, стойкий характер. Неправда!

21 ноября. Суббота, занятий по случаю праздника не было. Отдыхала. Вечером пришли из дома зять и брат. Шли по дороге врозь, а у ворот сошлись вместе, долго смеялись на это, была у всенощной.

22 ноября. Воскресенье. Была у обедни. Днем венчали две свадьбы, ходила смотреть, женятся и замуж идут, несмотря ни на что, а казалось бы... Ну да Бог с ними! Не мое дело.

23 ноября. На улице слякоть, идет мелкий дождик, ученики не все были в школе, не в чем, нечего обуть на ноги. Голод, холод, нечего одеть, обуть, вот слова, произносимые повсюду, и конца не видать всему этому, мрак, мрак повсюду, и не загорается нигде полоска света. „Доколе, Господи, забудеши нас“.

24 ноября. День шел так же, как и вчера. Занималась на час дольше, до трех часов. Объясняла всем трем группам, что речь состоит из слов, а слова из частей. Не знали.

25 ноября. Сегодня в школе занималась до половины четвертого, с девочками начала рукоделье, они им очень интересуются. Дома вечер лежала на постели, нет керосина, не с чем сидеть, приходится лежать и считать, сколько раз часы чикнут в течение часа, глупо, непродуктивно, но что же делать? Другого выхода нет! Молиться!.. лень, тинято земной жизни так опутало, что и не пошевелиться.

27 ноября. Что же это наконец? Днем и во сне все страдай, всю ночь снился сон, который заставил меня страдать и утром. Трудно, невыразимо трудно! а надо собраться с силами и уйти. Молилась, как будто полегче стало.

В школе занималась только до двух часов, болели зубы. После занятий пришли из Федотова две девочки, просят поучить их рукоделью, я была им так рада. Хотя небольшая, а все же лазейка для выхода в поле, помощи, Господи, только на пользу!

29 ноября. Опять страдала во сне и день, все сильнее и сильнее качает меня волна жизни, бьюсь изо всех сил и не могу справиться. Об одном прошу Бога, чтобы Он помог мне сохранить в тайне, никому не выдать свое душевное страдание, а страдать мне, видно, Богом положено. Когда я подумаю, поразбираюсь, с чего это началось, то вышло все это со стороны помимо меня, пихнули, сунули на место и сиди, делай как знаешь, а ведь человек, Господи! ведь все себя оправдываю, а сама виновата, не давай себе воли. Только бы услышать хоть одно слово, и было бы легче.

Занятий в школе не было. Ходила в Совет со своей коллегой Юлией Капитоновной. По дороге туда она мне сказала, что в моей школе решено открыть народный дом и что уже на этой неделе приступят к работе, это меня крайне огорчило, такой чудный класс и испортят, сломают для каких-либо двух, трех спектаклей. Пришла в Совет, спросила заведующего об этом, оказывается, правда. Я произнесла целую речь о том, что спектакли мало дают научных практических сведений, а противопоставила народному дому воскресную школу. Заведующий в конце концов согласился и сказал: „Открывайте то, что находите более удобным, полезным“. Устрой, Господи, в моей школе воскресную школу, а не народный дом.

30 ноября. Воскресенье. Хотела утром раньше встать, но проспала, истопила печку, до обедни хлеб у меня не успел, но остаться дома из-за него мне не хотелось, я оставила на обедню его в печке, когда вынула, то остались только корочки, зато вкусные.

Пришли три девочки заниматься по рукоделью, и день прошел незаметно.

День шел спокойно, но вечером пришел отец диакон (он был в Угличе), принес довольно неприятные новости, наша надежда на светлое будущее гаснет. Господи, не прогневайся на нас до конца! Не погуби нас за беззакония наша. Отврати ярость Твою от нас!

По-старому 21 ноября, праздник Введения во храм. Совершенно времени нет писать, то посетители, то бумажки из отдела. Пришли из Котова Егоровы спеваться на праздник. Служить у нас в Екатеринин день будет отец архимандрит Серафим.

28 ноября забросила свой дневник, не могу за него взяться, так сильно страдаю, что руки не поднимаются писать. Была дома в праздник, ночевала три ночи, нисколько не утихло, еще сильнее, труднее стало. Господи, изнемогаю, помощи. Брошу, не буду писать о себе. Напишу лучше о текущих событиях: учу в школе, нельзя заниматься по Закону Божию. Нельзя молиться, не полагается в классе висеть иконе.

Дома: нет керосина, нет спичек, фунт керосина 200 рублей. Коробок спичек 60 рублей. Фунт муки ржаной 60–70 рублей. Крынка молока 50 рублей. Фунт масла 300 рублей. Сажень дров 1 200 рублей. Подвода до города из Архангельского 300 рублей. Аршин ситца 250 рублей. Сапоги валяные 2 500 рублей, кожаные 6 000 рублей.

5 декабря. В школу явился ученик семи лет, просится учиться, я говорю ему: ты мал, а он отвечает: „Я буду шибче расти и догоню ребят“. Я ему: вот мы будем читать, а ты что же будешь делать? „Я послушаю“. Ну, послушай, послушай, посадила его за парту, и куда бы я ни повернулась, его маленькие черненькие глазенки везде следили за мной. Когда я детей спрашивала что-нибудь и они поднимали руки, то и он поднимал: „Все, – говорит, – так делают, и мне так же надо“. Как смешон и вместе с тем мил был он мне с этим во всем подражанием школьникам. В обед я дала ему букварь – старенький, говорю, а он отвечает: „С меня и этот

хорош".

6 декабря. Праздник святителя Николая.

Была в церкви. Вечером пошла в Углич. Пришла туда в 6 часов вечера. По дороге к Сергею Николаевичу встретила отца Серафима. Он сообщил мне, что назначен в епископы во Владимирскую губернию, в город Шую. Так мне стало жаль расстаться с этим человеком, так много сделавшим доброго для меня. Не спала всю ночь.

7 декабря. Утром в 6 часов отправилась в Архангельское. Все тяжелей и тяжелей, Господи, помоги!

8 декабря. Воскресенье. Тяжело... Не могу допустить мысли, что отца Серафима здесь не будет, не будет здесь того человека, за которым я тянулась в высоту, как волхвы за звездой. Не будет его, не услышу его ободряющего, утешающего слова, ни доброго совета, неужели никогда больше не увижу, не услышу его. Матерь Божия, помоги перенести эту разлуку, сил нет писать... слезы душат...

1920 год. 11 февраля.

Два месяца не могла взяться за дневник, много слишком было нравственного потрясения. Слава Богу, одно кончилось, хотя и не совсем. Сегодня возвратилась в Архангельское из дома, с масленицы. 6 февраля в Углич приехал вновь назначенный епископ, преосвященный Серафим. Была очень торжественная встреча, несмотря ни на что звонили везде в колокола, особенно радостно встречали владыку у Покрова. Многие от радости плакали. Да, вернулось наше ясное солнце, которое своими словами согреет хоть какую тоскующую мрачную душу. Еще шибче, еще ярче будет гореть правда Божия из уст архипастыря. Владыка с пережитых волнений заболел, хотя и служил в соборе. Не видела я его святительской службы, не пришлось быть там. Владыке прислали бумагу, требуют явиться в Комиссариат готовому к отправке на военную службу. Сколько у всех тревоги, сочувствия к владыке. Во всех углах зашевелились, пошли с подпиской по городу, по деревням, и на другой день отправилась в Совет депутация, просить, чтобы владыку освободили от службы, вышло какое-то недоразумение, якобы Угличский военный комиссариат ничего об этом и не знает, ему еще надо навести справки, кто это послал бумажку? Удивительно! Сегодня снова все пойдут, может быть, что-либо не добьются ли. Едва ли испугались и концы в воду. Сегодня в школу приехать опоздала, дети ждали, ждали и ушли, заезжала объясниться в Совет по поводу присланной оттуда на мое имя бумажки, что, обучая церковному пению, я отправляю молодой мозг, но ничего не вышло. Это исходило из волостного Совета по принуждению. Кто-то донес в Углич в Комитет партии. Пойду, объяснюсь там, только бы поскорей выбрать время, пишут: „если родители желают обучать своих детей пению, пусть наймут особого регента“, а почему же не я? Надо будет спросить. Еще бы пописать, да какое-то брожение в голове, мысль как-то несвязно выходит. Что-то будет? Со мной будет ли перемена или нет? Жду сама от себя.

12 февраля. Сегодня очень лениво занималась в школе, насилу дождалась конца урока, а перемены мне от себя ждать нечего, это не пройдет, останется со мной навсегда. Так, верно, Богу надо, мое страдание, пусть только бы одной перенести, никому не выдать. Решила с учениками спеть обедню, все равно заодно уж отвечать-то.

13 февраля. На улице начинает пахнуть весной, что-то она принесет? Не будет ли какой радости? Какое-то, после получения бумажки, отупение, вялость, нежелание работать. Сердилась сегодня на учеников, плохо отвечают, а все ведь зависит от самой. Отпустила их говеть, занятий не будет два дня. Не знаю, что делать самой, говеть у Архангела или идти в город. Ну да как Бог укажет.

15 февраля. Сегодня Бог сподобил приобщиться вместе с учениками Святых Таин. Пели школьники обедню.

Завтра отправляюсь в Углич, надо приняться за дело. Помогите только, Господи и царевич Дмитрий. На улице тепло. Каплет с крыш.

25 февраля. Опять забросила писать. Была в Угличе и ничего не вышло, верно, я еще недостойна начать такое великое дело. Первое и второе воскресенья поста была в Угличе за вечернями, в первое воскресенье в соборе, а во второе – в Богоявленском монастыре. После вечерен владыка Серафим совершал пассии. Господи, сколько трогательного, умильного в совершенных владыкою пассиях. Посреди храма стоит животворящий крест – ясное, живое напоминание нашему неразвитому мозгу того Креста... на Голгофе... Поют: „Тебе одеющагося светом яко ризою“. Владыка совершает каждение во всем храме. Вот он кончил каждение и вошел на кафедру и, открыв святое Евангелие, стал возвещать нам о страданиях Господа. Чем чаще слышишь эту печальную, страшную весть о тех ужасных страданиях, переживаемых

Богочеловеком, тем больше сознаешь свое ничтожество, нерадение, гнилость всего себя. Ведь Он принес Себя в жертву для того, чтобы нам были бы открыты, доступны врата Рая, а стремимся ли мы туда? Готовимся ли мы в земном училище, которое весьма недолговременно, к экзамену на жизнь вечную? Плохо... „Слава Страстем Твоим, Господи“. Помоги нам хоть чуточку, чуточку отблагодарить Тебя за Твою великую к нам любовь. Не отврати Лице Твое от нас, спотыкаемся, скорбим, падаем и без Твоей помощи встать, поправиться не можем. Помоги, помоги нам!!!

4 марта. Канун дня моего Ангела. Встречаю его одна в школе. Что-то грустно, грустно на сердце... Все почистила, прибрала, как будто про гостей, а кто придет? Кому какое дело до какой-то крестьянки-учительницы? Сидишь у Архангела и сиди, хоть и поплачешь, да опять такая же будешь. Сегодня отпевала девицу, умершую от тифа, какой-то грустью, непонятной тайной веяло от этого молодого гроба. Жизнь пришла, развилась, окрепла и вдруг повернула назад, опять в ту же землю. Ее тоже звали Ираидой. Завтра именинница. Как-то она встретит день своего Ангела? Господи, умирать не хочется, а и конца ждать тяжело. Помоги... Ты все знаешь.

6 марта. Вчера было так грустно, что не хотелось даже и писать. Утром пошла в церковь, службы не застала, это меня очень огорчило. День весь ждала кого-нибудь из дома или из города, никто не пришел, всем не до меня, у всякого свое дело. В два часа хотела идти в город в женский монастырь к молебну с акафистом Феодоровской Божией Матери — побоялась, чтобы не вышло каких нареканий, да и Бог не пустил. Клала жеребейки за икону, и вышло – не идти. Вечером захворала. Сильно разболелся желудок.

Сегодня день прошел без особых приключений. Вечером сходила к Юлии Капитоновне, решили завтра идти вместе на собрание. Что-то там нового? Какое-то волнение в духе. Предоставлен выбор в жизненном пути. Господи, направь Ты меня туда, где я больше могу принести пользы. Не дай мне самой распорядиться выбором. И помоги мне справиться с этим моим тяжелым крестом, но с радостью я его понесу, если он будет на пользу. Ты все знаешь, устрой.

9 марта. В субботу 7 марта собрание было, ничего нового. В воскресенье пела с девицами обедню, спели, слава Богу, хорошо. Вечером пошла в Углич, там ночевала. На улице очень тепло, по Волге у Покрова уже нельзя ездить. В Угличе слышала, что в Германии монархия. Дай-то, Господи, чтобы это была правда, хоть немцы вздохнули. Пишу, вечер, 9-й час, раздаются на улице выстрелы. Что за история, не знаю, а посробела.

10 марта. Испуг вчера был напрасный. Стрелял церковный сторож, пугал воров, которых не было. Так просто в голову пришло.

11 марта. Сколько силы, глубины, красоты в слове „учитель“. А отвечаем ли мы вполне своему званию? Нет и нет! То невыдержанность характера, неуместный гнев, то лень по-настоящему заниматься. Господи, помоги исправиться. Стремлюсь, стремлюсь, а силы воли нет. Дети такие привязчивые.

Экономическое положение. 1 фунт хлеба 100 рублей. Мера картошки 900 рублей. Крынка молока 200 рублей. Фунт русского масла 1 500 рублей. Коробок спичек 170 рублей. Керосин 800 рублей фунт, да и того нет. Сажень дров 2 500 рублей. Аршин ситца 800 рублей. Сапоги кожаные 10 000 рублей, а валяные 5 000 рублей. Конина у некоторых считается за лучшее блюдо. Настроение у всех подданных подавляющее. Только и надежда на Бога. Может, Он и смилуется над нами. И простит нам все оскорбления, Ему наносимые от нас. Сегодня Стояние Марии Египетской. У меня сидят три мальчика. Ждут Стояния, это меня радует, что хоть есть желание у детей молиться. Может, их молитва лучше дойдет до Престола Всевышнего, ведь она у них не омрачена никакими страстями.

Бросила в марте писать, потому что была больна пять дней, а потом ушла домой на Пасху. Пасха в 1920 году была ранняя, 29 марта. Я 20 марта пошла домой, переходила через Волгу еще по льду, хотя лед на Волге и трогался. 21 марта лед уже тронулся совсем. На Благовещение была через Волгу отличная переправа на лодках.

Страстную неделю ходила в церковь, пела и читала. Светлый день Бог привел встретить, несмотря на семейные неприятности (дома хотел сосед отбить наш огород), как-то духовно радостно. Со всею полнотою чувства пелась торжественная песнь Воскресения любви, милосердия и прощения, чувствовалось, верилось, что Господь, мертвые телом воздвигнувший для прославления Своего имени, и нас, мертвых душами, воскресит и наставит на путь истины, света и братской любви. На третий день Пасхи, 1 апреля, наша духовная радость еще усугубилась. Наш бедный сельский храм посетил и отслужил в нем Пасхальную вечерню и утреню преосвященный Серафим, епископ Угличский и Мышкинский. Той радости, того духовного торжества при совершении этой службы в нашем храме я не могу и выразить. Господи, помоги нашему

архипастырю-отцу стоять до конца его жизни верным руководителем Церкви Христовой, помоги ему, Всевышний! Смотри и слушая такого высоконравственного человека, невольно как-то заражаешься той горячей верой в Бога, которою он сам горит. Появляется надежда и на наше воскресение в эти дни, дни полного отречения, богоотступничества, злобы, ненависти, коварства. Помоги ему, Мать Божия, разогреть в нас веру, так крепко заледеневшую в нас.

15 апреля. Сегодня три человека, ученика, сдали книги, учиться им не позволяют домашние дела. Чуть не заплакала, когда стали прощаться, так жалко их стало, привыкла к ним, дороги стали они мне.

18 апреля. Сегодня случилась очень неприятная история с учениками, дело в следующем. Утром я пришла из Углича, ходила туда навещать больную сестру. Пришла рано, детей еще никого не было в школе. Через час пришли куряниновские, а потом и все мелентьевские, я так была рада, что из Мелентьева пришли даже те, которые сдали книги, говорят, мы хотим доучиться до конца учебного года.

Долго не было девочек из деревни Федотово, наконец, смотрю, идут, и с ними идет какая-то наряженная модная женщина. Прошли сначала в кухню, а потом все дети являются ко мне в комнату, а во главе эта женщина. Не поздоровавшись со мною, она прямо мне заявляет: „Примите от федотовских детей книжки, они больше учиться не будут“. Я спрашиваю: „Которая ваша девочка?“ Она мне: „Кольцова“. Я говорю ей: „Возьмите ее из школы, если она вам нужна дома, а другие пусть сами заявят, кому нельзя по домашним обстоятельствам ходить в школу. Мне кажется странным, что вы отвечаете за всех“. Она говорит: „У нас в деревне вчера было собрание, и решили всех детей взять из школы“. Так меня поразили эти слова, что я даже не нашлась ей ничего ответить, только сказала: „Пойдемте, дети, в класс“. Она в класс пошла даже вперед меня. Некоторые девочки в слезы, не хотят сдавать книги, а она им: „Ну, чево тут, сдавайте поскорей и домой пойдем“. Обращается к мальчикам: „Костя, Ленька, Иван, сдавайте книги“. Те тоже стали колебаться. Я им сказала: „Мальчики, оставайтесь“. И они как-то неуверенно остались. Девочки из Федотова все сдали книги. Ну я говорю: „Давайте пропоем молитву на прощание“, – а у самой от волнения и голос пропал. „Господи, – думаю, – что же это такое, неужели родители на меня за что-либо озлобились, как будто не за что“. И так мне стало горько, тяжело, что не могу и выразить, да и с детьми расстаться в такой обстановке, когда у двери стоит часовая, тоже, как мне хотелось, как просило этого сердце, я не могла, и невыразимо было жаль их. Сколько стоило усилий перенести все это, не могу и написать. Ушли дети. Осталось двенадцать человек, одна только девочка. Не знаю, как я дотянула до обеда, как шли уроки. Отпуская на обед, говорю девочке: „Отобедаешь, приходи ко мне в комнату, посидеть“. Думаю, с ней мне будет полегче. Пришла она, села я с ней играть в камешки, вдруг являются мальчики и говорят: „Ираида Иосифовна, девочки федотовские пришли“. – „Зачем?“ – я говорю. А они: „Мы бы доучились до конца, остальные придут в понедельник“. Их было только две. „Как же, – я говорю, – вас дома отпустили?“ Одна говорит: „Я отпросилась“. А другая: „Меня мама забранила, зачем я сдала книги“. – „Но ведь у вас вчера было решено никому не ходить в школу“. – „Нет, – отвечают, – было у нас собрание, только не по этому, а об учении ничего не говорили наши родители, это она все соврала“.

Я так была этим обрадована, что могла только воскликнуть: „Господи, слава Тебе!“

Оказалось, что эта женщина была жена комиссара и приехала сюда только на две недели, и желала, чтобы дочка, которая воспитывалась у бабушки, была дома; взять ее одну из школы ей не хотелось, она и подстроила такое происшествие. Но, слава Богу, все окончилось так, как я желала. Решили ходить еще неделю, а там уже и кончить учење. Теперь такое положение в школе, нет ничего определенного. Когда кончатся занятия, неизвестно. Надолго ли, тоже неизвестно. Но, главное, я была рада тому, что это не от родителей зависело, и тому, что я прощусь с детьми, поговорю с ними, как провести лето, и вообще о том, что подскажет сердце.

По вечерам после занятий огораживаю огород. Думаю гряд пять посадить картошки, а остальную землю отдать келейницам.

25 апреля. Утро. Целую неделю не писала, была дома, с папой случилось несчастье, сделался удар, и отнялась правая рука, нога и язык. Не могу без слез себе представить его безуспешную попытку что-либо сказать. Нога как будто стала немного приступать, но очень плохо.

27-го числа в нашем Успенском храме пожелал служить преосвященный Серафим, но ему в этом отказали наш священник отец Константин вместе со старостой, очень все котовские об этом жалеют. Но что же делать. Сегодня у меня в школе кончаются занятия, жаль расстаться с детьми.

27 апреля. Десять человек учеников еще остались ходить до 1 мая. Сегодня утром в 5 часов ходили в Углич, я, Василий Жуков и Феодор Власевич Ефимов. Запросить разрешения принять к себе в дома Покров Царицу Небесную и преподобного Паисия. Были в Уездном исполнительном

комитете у товарища председателя Алексева, до нас к нему за разрешением ходили два раза, но не получили. Горским дали только на одну их деревню, но когда пришли из Котова, то там увидели, что принять иконы – это желание всех верующих, всех крестьян. И пообещали сначала, а потом и дали разрешение на весь ход.

Господи, что это была за радостная весть. Сколько было торжества духовного в этот день и на следующий. Утром перед обедней крестный ход из Котова пришел к Покровскому монастырю, из монастыря вышел встречать его с крестным ходом преосвященный Серафим с духовенством и множество народа. Отслужили молебен и пошли в Покровский храм на литургию. После окончания литургии иконы Покрова Божией Матери и преподобного Паисия в сопровождении преосвященного, духовенства и народа двинулись в наше село, при пении духовных песнопений прошли всю дорогу до села. Там после молебна, отслуженного владыкою, Божия Матерь пошла посещать со Своим угодником дома верующих. На другой день в 5 часов утра в наше село пришел Княжевский крестный ход. После обедни и молебна, совершенного владыкою Серафимом, архимандритом П., игуменом Павлом и двумя священниками, Покров Царицу Небесную и преподобного Паисия понесли в Княжево в сопровождении их крестного хода и всего духовенства во главе с преосвященным. Да, Бог послал нам такого архипастыря, чтобы разогреть наше оледеневшее сердце и направить наш ум к разумению слова Божия.

1 мая. Сегодня ухожу от Архангела, учение вчера кончилось. Много за эту зиму пришлось пережить здесь, много перестрадать, до будущего года! Что-то тогда Бог даст. Кончаю...

1 сентября 1920 года.

Снова в Архангельском, приехала сюда с матушкой игуменией. Она пробыла у меня три дня. Писать не пришлось, 2 сентября была запись учеников.

4 сентября. Сегодня школьники собираются в школу. Как-то нынешний год пойдет дело. Дай Бог чувствовать себя не так, как прошлый год.

15 сентября. Не писала долго потому, что не было определенных занятий в школе. Сначала школы хотели соединить в одну, но из моей школы в Партусовскую никто не идет. Решили учить пока по-старому. Опять и так ничего не вышло. Из тех деревень, которые учились в Партусовской школе, стали ходить и проситься ко мне, чтобы я приняла их в свою школу, каждый день все народ и народ. Принять я их, конечно, не могу из-за партусовского учителя, да у меня и своих порядочное количество, пятьдесят пять человек, завтра будет по этому поводу собрание в Ермоловском волостном Совете. Что-то Бог даст? Как-то устроит?

6 сентября здесь был праздник Чудо Михаила Архангела. Несмотря на желание владыки Серафима служить в праздник в Архангельском приходе, ему почти прямо отказали. Не пожелал батюшка „много заботы“, прихожане остались этим очень недовольны, страшно негодуют за это на батюшку.

13-го числа была за всенощной в соборе, много, много было в храме народа, велик был этот вечер горения религиозного чувства, разогреваемого нашим дорогим архипастырем. С великим одушевлением сказанная проповедь о силе Креста и крестного знамения, разъяснение слов Послания Коринфянам святого апостола Павла: „Слово крестное погибающим юродство есть, а спасаемым сила Божия есть, и почему иудеем соблазн и еллином безумие“. Воздвижение креста, после Великого славословия с глубокой верой исполненное архипастырем, так сильно подействовало на ум, чувство и сердце народное, что, казалось, весь храм перенесся и почувствовал тот великий момент воздвижения Креста Господня, который был пятнадцать (Почти шестнадцать веков тому назад.) веков тому назад.

Меня, слава Богу, Он сподобил исповедаться и в день Воздвижения приобщиться Святых Таин за ранней обедней в Богоявленском женском монастыре. Позднюю я стояла у Димитрия Солунского. Служил епископ Серафим. Служба шла очень торжественно. Было посвящение священников. Архипастырь говорил проповедь о путях достижения вечного блаженства и о пути следования за Христом. Вечером епископ Серафим совершал вечерню в Богоявленском женском монастыре с акафистом Кресту Господню. После вечерни и молебна владыка пояснял заповеди блаженств. Поистине приходится удивляться той великой мудрости и силе, которую Господь проявляет через избранных Своих. Два часа подряд говорил преосвященный, народ не только что утомился, а просил его говорить, проповедовать еще и еще. В 8 часов закончился этот великий день, весь проведенный в храме. Сегодня в школу немного опоздала. Ребятки поразбежались.

16 сентября. Занятий в школе не было. Ходила на общее собрание в Ермоловский волостной Совет. Делили бумагу, карандаши. Учеников у меня уже пятьдесят девять, дали для них 15 карандашей, 15 ручек, по семи листов плохонькой бумажонки. Книг совершенно нет. Как будем заниматься? Чему научим, не имея в руках совершенно ничего? Богу известно.

17 сентября. Совершенно в школе с учениками делать нечего. Нет карандашей, нет бумаги, нет грифелей. После ученья ходила в деревню Шастово. Набрала по дороге грибов. В деревне взяла котенка, а то совершенно меня обидели серые животные.

18 сентября. Нового ничего нет. День прошел так же, как и вчера. После занятий выкопала в огороде свеклу. Чай пила вечером у Александры Андреевны. Она чуть-чуть не вызвала меня на откровенность, выдать мою тайну, но, слава Богу, я вовремя спохватилась. Молчать, помоги Господи, до гроба.

19 сентября. Пошла домой на воскресенье. Приехала из дома с сестрой. 21-го ездили в Федотово на мельницу.

22 сентября. Сегодня было в школе общее родительское собрание, из Партусовской школы тоже пришли в мою школу. Приезжал заведующий отделом народного образования. Поднят был вопрос о соединении Архангельской школы с Партусовской, но ничего не вышло, так как из Архангельской школы необходимо перевести которую-либо группу в Партусовскую. Никто идти туда не желает. Все дети и их родители кричат: не пойдём и не отдадим учиться туда, будем здесь, у Ираиды Тиховой. В моей школе учеников шестьдесят два человека, а там двадцать пять. Хотели поравнять, но ничего не вышло, не идут от меня да и только, что будешь делать, отложили этот вопрос до четверга. Будет общее учительское собрание, тогда, может быть, не придем ли к какому выходу. Жаль очень учеников, так они ко мне и я к ним привыкла, как будто они для меня стали самые родные.

20 сентября. Сегодня старшая группа решили остаться у меня вместе со вторыми, т.е. соединиться со второй группой, лишь только бы учиться в Архангельской школе. Завтра на собрании заявлю об этом, что-то мне на это ответят.

Экономическое положение, цена продуктов: крынка молока 200 рублей. 1 пуд ржи 1 200 рублей. Ягненок 25 000 рублей.

Смолоть на мельнице полагается только по 9 пудов на человека, да и то по 4 фунта с пуда отбирается в пользу казны. От Архангела до Углича 10 верст. Подвода на это расстояние стоит 1 500 руб. <...> Праздник октябрьской революции, но почему-то начальство само не готовит и подданным не приказывает праздновать праздник, в воздухе что-то виснет, как будто собирается градовая туча, которая прильет всех вредных насекомых, в таком большом количестве расплодившихся в последнее время. От РСФСР ездил в Англию делегация, что[бы] завести мирные переговоры, но ее оттуда выставили. По слухам, убит товарищ Троцкий.

Погода стоит очень холодная, выпал первый снег 19 сентября, хотя он и растаял, но воздух совершенно зимний.

24 сентября. Было собрание, и относительно моей школы не пришли ни к какому выходу. Отложили дело до 29 числа. Поднят был вопрос о ликвидации безграмотности, решили открыть занятия в моей школе. Учеников взрослых восемнадцать человек, как-то я к ним приступлю, Один Бог знает.

25 сентября. Ударил ко всенощной в 6 часов. В большой колокол, а я не знаю даже, какой и праздник. Пошла в церковь, оказывается, завтра память апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Помолилась ему. Попросила его молитвы пред Господом, чтобы выпутаться из тинята жизни, которое сковало мои члены: „и несть ми послабления“. Помоги, святой девственнице. Ведь все собираюсь встать на прямую дорогу, а сама все ниже и ниже падаю. Все собираюсь молиться, но одна для себя отговорка: „нет времени“.

26 сентября. Занималась до 12 часов в школе. Невольно задумываешься, как вести занятия в этом году. Ни книг не хватает, бумаги мало. Нет карандашей, грифелей, одним словом, полный развал, разруха во всем. Господи, Господи! Неустройство внешнее, внутреннее и душевное. Не отвернись от меня, Господи, не погуби меня за беззакония моя. Богородице Дево! Не презри меня, грешную, ленивую, нерадивую, требующую Твоея помощи и Твоего заступления. Иду и все спотыкаюсь, не дай Ты мне упасть.

27-е. Воскресенье. Была в церкви. После обедни топила печку, утром было топить некогда. День почти весь скучала. Да, грустно, тяжело, а ничего не могу сделать с собою. Так тому, верно, быть.

29-е. Сегодня был в школе инструктор. Дети, слава Богу, хорошо отвечали, только по арифметике прошли мало по программе. Ну, наверстаем. Зато по русскому с лишка. Был школьный совет. Решили деревни Яковлевку и Куряниново перевести в Партусовскую школу.

1 октября. Была в церкви в Покровском монастыре, за всенощной и за обедней. Так было много народа, особенно за обедней, что невозможно было руки высунуть перекреститься. Слава Богу, нива, возделанная нашим архипастырем, дает богатый плод. Были люди за тридцать, за

сорок верст. Обедня шла до двух часов, и никто из народа не ушел. Все ждали благословения архипастыря. Благодарим Тебя, Мати Божия, за ту духовную радость и утешение, которую мы, недостойные, получаем в день честного Твоего Покрова, в Твоем Божественном храме. Помогите нам встать на путь добра, истины и веры!

2 октября. Сегодня возвратилась из дома. Поопоздала, шла очень быстро. Вероятно, от этой быстрой, не по силам ходьбы у меня вечером открылась сильная рвота.

4-го. Была у обедни в соборе. Там за литургией была Царица Небесная Югская. Служба шла очень торжественно. Хлопочут, чтобы Царицу Небесную принести в Архангельский приход, не знаю, что будет. Из Углича возвратилась в восьмом часу вечера. На улице идет снег.

5 октября. Учеников было только семь человек. Идет сырой снег, так многим нечего обуть. Яковлевские и куряниновские ученики будут ходить ко мне, отхлопотали, ходили матери в Совет. Там заявили: „Лучше мы, неграмотные, туда пойдем, нам все равно без толку учиться“.

6 октября. Сегодня учеников было побольше, двадцать семь человек. На улице сильная вьюга. Очень холодно.

14 октября. Нет ничего определенного относительно учеников в моей школе. То заговорят, что в Киндякове откроется школа и из моей школы уйдут туда, то приказ деревням Куряниново и Яковлевке перейти в Партусовскую школу, а от меня не уходит ни один человек. Все эти разговоры, предположения ужасно надоели, хотя бы на один конец. Взрослые тоже будут у меня учиться. Просила, чтобы учитель Партусовской школы А. Яковлевич кинул жребий, кому достанется заниматься, так нет, просит Христа ради, чтобы я занималась. Пишу второй год и все ною. То сама себе покоя не найду, то люди беспокоят. Не пора ли переродиться, не пора ли (взять себя) покрепче натянуть вожжи. Не знаю, что и сделать. Попросить ли на это совета у людей или самой решить, в какую направиться сторону, по какой дороге идти. Господи, не могу разобраться – грешу я своим нытьем или нет. Укажи Ты мне такого человека, который бы точно разъяснил мне правильность или неправильность моих поступков, действий.

15 октября. Сегодня пришли заниматься взрослые. Десять человек. Что-то с ними у меня на первых порах не ладится, что-то будет дальше. Завтра должны прийти еще.

21 октября. Все хотелось побольше дела. Бог послал, так теперь кажется тяжело. До половины третьего занималась с детьми, с трех до пяти со взрослыми. Горе-учительница! Занимаюсь так еще только неделю, а уже и надоело, впрочем, дети не надоедают, с ними я не устаю, а с большими, когда занимаюсь, то и дело посматриваю на часы, скоро ли пройдут эти бесконечные два часа. Что-то будет дальше.

1 ноября. Воскресенье. Вчера всенощную и сегодня обедню совершал в Архангельском храме преосвященный Серафим. Велик был религиозный подъем в народе, произведенный проповедью: простой, прочувствованной, ясной. За всенощной владыка говорил о вере в Бога, о существовании Творца, мира видимого и невидимого. Всенощную пели свои певчие, а на обедню приезжали соборные певчие. Да, долго ждали мы приезда владыки, наконец Бог благоволил принять нам его. Народа за всенощную собралось много, пошли большей частью из любопытства, а не [по] побуждению религиозного чувства.

Умилилось, однако, людское очерствевшее сердце, в первый раз, может быть, услышавшее с такой силой твердости и веры произнесенное архипастырем слово. Чем-то новым, облегчающим душу, ум и сердце, веяло от этих слов. Оборванные струны духовной жизни человека какими-то непонятными силами скреплялись, устраивался в одно музыкальное целое, духовное обматериалевший организм. Как сильно, благозвучно этот наладившийся инструмент по призыву владыки стал хвалить имя Господа, точно со всеми было возрождение, как будто, отряхнув прах животной жизни, все возносились к света Подателю и веков Творцу Господу.

Всенощную пели свои певчие, на литургию приехали из Углича соборные. Обедня шла очень торжественно. За литургией после чтения Евангелия владыка продолжил свою проповедь, о поклонении святым иконам, о тяготении мира к Своему Творцу. После литургии был крестный ход кругом храма. Был молебен Архистратигу Михаилу. Панихида на кладбище. Владыка сам ходил по могилкам. Во 2-м часу закончилась литургия, а народ из церкви не уходит. Он ждет благословения от архипастыря, к которому очерствелые, грубые сердца потянулись, как к солнцу, за теплом, светом и утешением. Да, поистине утешил он их духовно. Это можно заключить из слов крестьян: „Не ушел бы из храма, день и ночь стал бы слушать, да когда он опять-то к нам придет. Да, дай Бог, чтобы поскорее снова нам встретить в своем мрачном лесу этого великого человека“.

7 ноября. Канун праздника Михаила Архангела.

Пришла мама из дома. Я была ей так рада, что даже не могу и описать. Мама здоровьем слабая, не могла ходить до Углича 5 верст, а тут прошла 15 верст. Была всенощная, пелось ничего,

но похуже, чем при владыке.

8 ноября. Обедню пели хорошо. Служба была торжественная, а все же далеко, далеко не то, что было при владыке. Не было такого высокого религиозного подъема.

В гости я никуда не пошла. Звали в семь деревень, и боялась оскорбить своим отказом тех, к которым не могла пойти.

9 ноября. Сегодня с учениками был у нас так называемый литературный вечер. Басни, стихотворения рассказывали, пели стишки, пропели даже „Интернационал“. Хотя и тяжело это было исполнить, но необходимо для других ушей (как нескладно выразилась).

12 ноября. Сегодня все занималась статистикой и планом школьным, для чего требуют, неизвестно, просто только дать дело в руки. О своей тайне я чуть не сказала одной девице из певчих и страшно жалею о своей слабости, помощи, Господи, молчать, молчать до гроба, а там...

16 ноября. Господи, Господи! Что это творится? Что совершается? Вчера было собрание, и коллеги-учителя заявили: „Нельзя в классе делать молитву, нельзя висеть иконке, нельзя учить Закону Божию“. Что делать? Как быть, прямо не знаю? Оставить ли заведенное по-прежнему или подчиниться? Так тяжело, так скверно себя чувствую, что и не напишешь. Хлещет житейское море волнами, изнемогаю... Кому открыть, кому поведать свое душевное состояние, не знаю, да и чувствую, что утешить меня никто не может. Плохо молюсь, не обращаюсь к Богу со своими горестями, и Он отринул меня от Своего Лица. Много обращаются ко мне за разрешением духовных вопросов, и не могу дать ответа, не могу объяснить, сама колеблюсь. Слаба вера. Господи, подкрепи! Падаю в пропасть. Когда будет конец всему этому, силы нет бороться?

25 ноября. Ездил домой на праздник великомученицы Екатерины, но так же, как и прошлый год, он меня мало успокоил. Всенощную служил епископ Серафим, пригласили прихожане муравьевские и ростовцевские. Всенощная была очень торжественная, но обедня отошла одной минутой. Да, не любит наш батюшка долго служить. Сегодня получила бумажку из отдела относительно взрослых, заниматься с ними воскресенье, понедельник и вторник по четыре часа в день, а остальное время они будут нести трудовую повинность, пилить дрова. Заниматься со взрослыми – это просто смех и горе. Просто выражаясь, хоть дубинкой колоти некоторых, а всё не понимают. Вот, например, такой случай: три урока объясняла буквы „а, у“, ну, думаю, слава Богу, как будто вдолбила, пишут. Вдруг одна и говорит: „Ираида, да что же я буду писать крючочки-то (она писала „у“), хоть бы букву какую мне записала“. – „Да ведь ты, – отвечаю, – и пишешь букву „у““. – „Ах, родимая, да я уж и забыла, што это за штучка“. А то так: „Это знаю, что по-моему „како“, а по-твоему, хоть тресни, не помню. Ах, батюшки, я забыла сегодня теленка напоить, оборётся теперь“.

28-е. Суббота. Учила до 12 часов, потом исправляла домашние дела. „Веселитесь и радуйтесь праведнии“, вам это подобает за ваши труды и подвиги во имя Христа, так говорит псалмопевец. Они терпеливо и даже с радостью несли бремя житейское, сами налагали на себя труды нравственные и физические. И получили свою награду, а я! Стону, ропщу, колеблюсь, даже в мелкой будничной своей жизненке. Не могу во имя Бога ничто понести, чтобы не постонать, не пороптать. Очисти, Господи, меня нерадивую, скверными помыслами и словесы всю себя непотребной сотворшую. Огради мой путь, да без порока пройду, не искушена от злых. Господи! не осуди меня, помоги мне потерпеливее нести свой крест. Матерь Божия, спаси меня и всех, и всех...

1 декабря. Сегодня ночевала в Угличе. Вчера вечером была у С.Н., просила, чтобы он приискал мне учительницу пения и музыки, вечером к указанной сходить не пришлось, утром пошла в 5 часов, долго искала дом, нашла, она спит, будить ее, говорят, нельзя, а ждать, когда она встанет, тоже мне было невозможно, так и ушла ни с чем к Архангелу.

В Угличе случилось интересное происшествие. На берегу реки Волги, недалеко от церкви царевича Димитрия, был поставлен памятник учителю социализма Карлу Марксу. На высоком пьедестале бюст этого социалиста, довольно большого размера.

Много пришлось перенести неприятностей этой фигуре от забитников, не признающих учение социализма, много, бедная, она пострадала от нанесения во все части головы физических оскорблений, пока последнее не довершило ее окончательно. В ночь с 27 на 28 ноября вся фигура была окачена жидкостью из отхожего места, а при стуже все к ней пристало, примерзло. 28-го священники угличских церквей пять человек получают из Угличского Совета повестки, явиться сегодня в милицию. Двум было нельзя идти, были больны, а трое – отец Михаил Корсинский, отец Константин Успенский и еще кто-то, не знаю хорошо, явились. Им дали там железные острые скобели и послали очищать Карла Маркса от грязи, наклепленной угличанами. Что было делать бедным священникам, как не повиноваться. Пошли. Пришли. Принялись за дело, но это было

сделать не так-то легко, все умерзло, обледенело, инструменты данные не погодились. Отец Михаил попросил у сторожа лом. Вооружившись им, он влез на лесенку и принялся с усердием просвещать загрязнившегося чистяка. Да слишком поусердствовал, отвернул Карлуше нос и щеку. Страшно сам испугался за последствия, да и милиционер, наблюдавший за ними, тоже. Повели отца Михаила в милицию, посадили, сутки просидел, потом на суд, хотели наказать, да смилостивились, отпустили, потому что не нарочно сделал, ограничились только строгим выговором. В ночь на то же число у фотографии Русяева в витрине были замазаны той же жидкостью портреты угличских начальников, так уважаемых народом, тут пришлось за меры очищения приняться самому Русяеву. Да, творятся дела на Руси...

11 декабря. Вчера пришла из города, ходила на первый урок музыки. Показалось очень трудно сначала. Ну что Бог даст! Сегодня с 8 часов утра начала заниматься в школе и до половины шестого вечера. Взрослые стали некоторые почитать. Ходила в Ермоловский волсовет, просила, чтобы музыку, пианино, из Ермоловской школы привезли в мою школу, там оно находится в бездействии. Военный комиссар сказал: „Из-под земли выроем, а привезем вам музыку“. Мне сделалось очень неприятно, где бы ни реквизировали, тогда пропадет вся охота учиться. Сегодня послала заведующему еще письмо, просила, чтобы привезли из Ермолова, не знаю, что будет. День святителя Николая провела очень хорошо, спокойно, не так, как прошлый год, помоги ты мне, святителю Христов, исправиться! Наставь, научи меня, как бороться с многогранной человеческой плотью.

Завтра отправляюсь в Углич. Может быть, там встречу кого-либо из властелинов. (Далее текст обрывается.)

13 декабря. Вчера получила бумажку из Совета, привести детей во вновь открывающийся народный дом в Селиванове для пения „Интернационала“. Так это возмутило меня и расстроило, что не могу даже и написать. Решила, что бы ни было, детей не водить. Сегодня ночевала дома, не спала там всю ночь, хворает мама, в 10 часов пришла в Углич, взяла урок музыки, учительница была какая-то сердитая. Да и я торопилась на спектакль в Селиваново, хотя одной, а все явиться надо, дорогой очень спешила. Пришла, переоделась и туда, и о! радость! Приехали музыканты, и петь „Интернационал“ не надо. Был спектакль, и хотя бы что он дал уму или чувству, ничего. Сначала речи на темы, что нет Бога. Потом драма „Песня труда“, в которой не выведено было ни одной светлой стороны, все порок и порок.

16 декабря. Что-то дома? Как-то мама со здоровьем? Такая тоска...

18-го. Сегодня, возвращаясь утром из Углича, занималась с маленькими и с большими. Тех и других отпустила на Рождество. Как умиротворенно, с Богом, с призывом Его святого имени разошлись те и другие. Завтра ухожу домой. Лошадь не приедет за мной, уехала с казенной подводой в Романов.

1921 год. 13 января.

В Архангельском пятый день, а писать не могу никак собраться. Приехала сюда по бумажке, присланной из Ермолаевского Совета: „10 числа января ставится в Селивановском народном доме спектакль для детей, предлагаем Вам спеть с детьми перед началом спектакля похоронный марш и „Интернационал“. Бумажку получила за день до спектакля, и изволь приготовить две вещи. „Интернационал“ приготовили и спели на спектакле, который был совершенно не детский. Ставили две вещи: „Медведь“ и „Предложение“ Чехова. Потом продекламированы стихотворения на злобу дня, все честные люди и духовенство были осмеяны, осмеяны не тонко, а самыми большедорожными словами. И перед кем же? Перед детьми, перед их чистой детской восприимчивой натурой. Да, насаждение порока и только. „Изучение Закона Божия возвращало нравственность детей!“ Да, когда был выгнан Закон Божий, то в два года так нравственно все пошатнулись, один ужас. Девушки позабыли стыд, обнимаются с кавалерами, садятся к ним на колени, подростки мальчики курят табак, играют на деньги в карты, ругаются все самыми отборными словами. Что будет, неизвестно?! Да и настоящее очень темно, беспросветно, мрачно, грязно. Хотят заставить жить одной только животной жизнью. Заглушить совсем духовное чувство.

Экономическое положение.

Крынка молока 1 200 рублей. Фунт масла 13 000–15 000 рублей. Пуд ржаной муки 18 000 рублей. 1 сажень дров 10 000 рублей. Кожаные сапоги 125 000 рублей. Аршин ситца 2 000 рублей.

На улицах в свободной России бегают, особенно в городах, псы, сами лают на прохожих, и беда обывателю, если отмахнется, затащат в собачью подземную конуру дней на 10, а то и на месяцы, и заставят, особенно женщин, обстирывать да обмывать опаршивелую псарню. Да, впрочем, все равно, хоть кто и не отмахивается, но выпадает описанное счастье.

17 января. Сегодня возвратилась из дома, вчера было собрание школьной организации, самое

существенное, о насущном куске хлеба. Выдали 1^{3/4} соли, ^{3/4} сахарного песку, 3 фунта воблы. Пай стоит по твердой цене 130 рублей. У меня все никак дело не налаживается с музыкой. Нет школы, нет пианино, на чем я могла бы выучить уроки, и дело очень плохо движется. Вот в духовно-религиозном отношении некоторое из ряда вон выходящее событие. Вчера мне в Богоявленском монастыре сказали: епископ Серафим уехал в приход в село Рождествено обращать в православную веру католичку. Во время неверия, отчужденности от Церкви это светлое явление невольно дает надежду на светлое будущее. Дай Бог.

22-го. Редко пишу, все не хочется нить, а без нитя не могу и писать. Ужасно страдаю нравственно. Пою, играю на сцене против желания, в надежде принести пользу детям, а будет ли от этого польза, не знаю. И никак не могу дождаться случая, чтобы с кем-либо посоветоваться, поговорить об этом. Получить, если надо и пока не поздно, другое направление. Непокойно, скверно себя чувствую. Хоть бы поскорей Бог привел встретиться с желаемым человеком и рассказать все-все. В школе померла 20-го числа старушка, сестра прислуги. Как-то подавляюще действует все на нервы.

4 февраля. Хорошо, прекрасно, одушевленно чувствуешь себя, когда хоть на минуту возгорится в душе искра Божия. „Жив Бог – жива душа моя“ – вот девиз, которым должно руководствоваться при исполнении житейских обязанностей, „Не будь Бога, не будет и нас“ – это объяснение школьниками этого изречения. Да, правда. Можем ли мы существовать без Бога, нет и нет. Когда Бог оставит человека хоть на несколько дней, часов, даже минут, и чувствуется какая-то необъяснимая пустота, которая заставляет страдать нравственно и физически. В Сретение (2 февраля) была в Угличе. Исполнилась година служения в святительском сане нашего архипастыря епископа Серафима. Господи, сколько пришло народа почтить этот день Сретения Младенца Бога в храме и вознести благодарную мольбу Ему за своего любимого архипастыря, который, как яркий световой луч, освещает запутавшихся нас во мгле мрачного неверья и отчужденности от Церкви Православной, приводит к ней своим прочувствованным, глубоко верующим словом, добрым примером. Слово его иногда бывает так сильно, что совершенно ни во что не верующие люди приходят к истине и убеждаются, что Бог есть и Его Царствию не будет конца. Это не выдумка, а факт. Сама читала послание – покаянную исповедь, присланную владыке одним из совершенно неверующих людей.

5-го числа. Где-то настудилась, получила сильный кашель, занимаюсь через силу, с детьми и со взрослыми, хоть бы поскорее со взрослыми-то кончить.

11-го. Немного лучше себя чувствую, а все еще не совсем поправилась. Пианино все еще нет. На уроки музыки не хожу. Скучно... Взрослых готовлю к экзамену, что-то будет. Дело к выпуску, а вчера писали, одна и говорит: „Ираида Осиповна, запиши-ко мне церковь с заглавной буквы“. Вот так ученики! Забыла, как пишется заглавное „ц“. Сегодня день у меня какое-то неустройство. Мало пришло в школу детей. Прислали бумажку – принести в понедельник на собрание ведомость на раздачу мануфактуры, а я еще и не выдавала, требуют срочно доставить списки о неграмотных, нет бланка. В школе Партусовской нет занятий, у учителя померла жена. Как бы эта школа не перешла тоже ко мне. Ну, что будет. Как Бог?

12 февраля. Хотела было пописать, да пораздумала. Оказалось нечего. Мысли с рукой спорят. Голова много очень всего придумала, т.е. сердце много придумало, а рассудок писать не дает. Приходится подчиниться рассудку.

А кто его знает, кто прав, кто виноват, судить не нам, а только лень и ныне с нами. Кончаю.

13 февраля. Сегодня привезли пианино. Так рада, что и не выговоришь. Помогли только, Господи, поучиться теперь хорошенько, часа два уже поиграла. За эти две недели много перезабыла. Завтра хочется домой, поделиться своею радостью с домашними. Не знаю, удастся ли. Вот сегодня так без конца писала бы, да не найду тему.

18 февраля. И писать некогда, и играть некогда, все некогда, и когда хоть всему этому конец? Неизвестно ничего. В воздухе висит что-то ужасно страшное. Что-то будет. Предполагается Варфоломеевская ночь. Господи, Господи, не отвержи нас от Твоего Лица, но благоволи помиловать нас Воскресением.

20 февраля. Сегодня великая радость, взрослые ходили в Чурьяковскую школу сдавать экзамен, и все не сдали, но освободились. Шесть человек хорошо по ученью сдали, а две прошли из-за них. Теперь свободная гражданка Советской Республики по крайней мере на сегодняшний день, а завтра что Бог даст.

24-го. Отпускаю детей и ухожу на масленицу домой.

2 марта. Вот уже второй день поста Великого. Как-то Господь приведет провести его и дожидаться Светлого Христова Воскресения. В политическом отношении что-то не совсем ладно. В

Кронштадте бунтуют рабочие, власть находится у белых, беспорядки также в Петрограде, в Москве и вообще в больших городах, что-то будет. Мера картошки 6 000 рублей, пуд овса 70 000 рублей.

5 марта. Сегодня встречала лучше день Ангела, чем прошлый год. Вчера было собрание, я, к несчастью, попала в члены ревизионной комиссии в Ермоловский Совет. Говеть на этой неделе не придется, завтра надо идти в Совет, отстаивать или настаивать на выборе заведующим волостным отделом образования бывшего заведующего И. Абрамовича Дозорова. Завтра как раз там перевыборы, а ему отказали от этой должности. Сегодня была за утренней и обедней в женском монастыре. Хорошо очень пели. Как-то легколегко себя чувствовала. В начале обедни пришел в церковь владыка, поздравил меня с днем Ангела. Это еще подбодрило мою слабую, немощную душу. Спасибо, спасибо ему.

10 часов вечера, а у меня глаза слипаются, хочу спать. Завтра опять в Совет.

7 марта. Вчера в Совет проходила напрасно, кого хотелось, чтобы выбрали в заведующие, не удалось, очень жаль. Сегодня ночевали из дома, вчера приехал папа с сестрой. Папа немного оживился, только жаль, что не может сказать ни слова порядочно, понимаем с большим трудом. Ну, хоть побывал, слава Богу!

10 марта. Хотелось бы много, много написать, да никак не выскажешь затаенного в душе. Да и к чему? Будет ли от этого легче, Бог весть. Хорошо иногда чувствуешь себя в школе между детьми, например: когда хорошо отвечают на уроке, тогда умиротворяешься, чувствуешь мир, спокойствие, и как бы прибавляются душевные силы, бодро смотришь вперед, но это отчасти создается по самолюбию, а вот когда играешь вместе с ними в какую-либо игру, тогда уж совершенно не сознаешь себя, переселяешься душой и телом в детский мир и живешь их чистой, светлой жизнью.

Да, недаром Спаситель ставил детей в пример людям, в них найдешь все: веру, чистоту, доброту и все-все хорошее, которое у взрослых заглушается плотскими страстями.

16 марта. Была в Угличе на праздник Феодоровской Божией Матери. Да, люди ждут чуда, жаждают увидеть его воочию, а разве не чудо в наше время, отчужденности от Церкви, на каждом шагу проповеди атеизма, насмешки над верой и над всем святым, громадный собор, переполненный молящимися. Поистине чудо. Довершительницей чуда явилась некто Пушкина, девица лет 23 или 28, полная атеистка и познавшая Бога через внушение... Приобщалась в этот день Святых Таин. Жаль только владыку, с виду очень больной, и думается, что сильно страдает нравственно. Помоги ему Бог.

26 марта. Вчера пели с девицами обедню, спелось, слава Богу, хорошо. Только еще Благовещение, а на улице нет ни снежинки, только немного в лесу есть снегу. Что-то будет. Природа поторопилась снять с себя ледяной покров. Она возродилась. Яркое солнце освещает и согревает ее оледеневшее тело. Оно жадно впитывает в себя эти горячие лучи, претворяет их в себе и платит солнцу роскошною зеленью садов и деревьев. Свете Невечерний! освети, согрей наши оледеневшие души. Направь Свой животворящий луч в недра нашей души, так же, как и в природе, зароди и в нас плод духовный, чтобы мы, как растения тянутся к солнцу, так мы тянулись к Тебе, света Подателю и веков Творцу Господу! Но, Господи! Природа Тебя не оскорбляет, не поносит, не гневит, а мы? Прости, прости, прости нас и помилуй. Как бы желала душа соединиться со всеми воедино и едиными усты и единым сердцем прославлять Тебя. Помоги нам. Не отврати Лице Твое от нас за беззакония наша.

5 апреля. Вчера пришла из Углича. О, радость! Господь сподобил исповедоваться и приобщиться Святых Таин у преосвященного Серафима. 3 апреля в соборе исповедовалась после всенощной вместе с детьми города Углича, которых было пятьсот восемьдесят человек. Да, описать, выразить на бумаге – не выразишь того, что было. Радость, радость, радость духовная! Живое самоверующее слово сильно действует на отягченный житейскими страстями мир. Когда владыка говорил о покаянии, то привел пример, что как Господь во ад сошел, дабы показать всем жизнь Воскресения, сладость церковную, так и к нам же сойдет, сделавшим землю адом, и через покаяние очистит от скверны плоти и духа.

Перед причащением: „Как садовник к дикому, скверному деревцу делает прививку, дабы улучшить его, так и Господь дает нам ветвь от Лозы истинной, дабы освятить нас“.

30 апреля. Христос воскрес!!!

Ушла на Пасху домой, не пописала и пришла, не могу никак взяться за перо. Все дела житейские. Все прошло, и Страстная неделя, оставившая глубокий след на душе от всего пережитого и пережитого при пении и чтении о страданиях Господа, и великий праздников праздник, все прошло. Жаль, жаль прожитых дней, но вместе с тем и страшно, а что

если бы праздник повторился, то, пожалуй, и не выдержишь тех козней дьявольских и сетей, которыми он старался опутать в эти великие дни. Помоги, Боже! духовное чувство заглошалось какою-то плотскою страстью, и казалось, изнемогу, упаду, но Господь милосерд ко мне многогрешной. Помоги, не оставь меня, Господи, во вся дни живота моего. Не уйди из моего телесного дома, как бы я его ни оскверняла, оставь хоть маленький уголок для Себя.

Пасха 18 апреля, а уже цвели яблони, сирень. Люди купаются, такая стоит жара.

1921 год.

Вот уже начинается третий год пребывания или, лучше сказать, прозябания моего в Архангельском. Приехала сюда 18 сентября, а сегодня уже 13 октября и я еще не писала, почему? – да потому, что писать нечего. В школьном отношении то же, что и прошлый год, все просятся из той школы в мою, там совершенно нет учения, а теперь уже всех и приняла, учеников всех восемьдесят пять человек, занимаюсь поочередно, завтра придут младшие, с ними заниматься буду первый раз. Нет школьных работников, все бегут из школы, не дает начальство содержания учащим, нет никаких письменных принадлежностей для школы, все нет и нет, дожидая матушка Русь, сбилась с дороги, заблудилась в людском бору, нашлись путеводители бессознательные, безнравственные, сами блудят и другим не дают дороги поискать. Вчера кончила читать Тургенева „Новь“. Написано в 1876 году. И что же это, новь вошла теперь в моду, но только по виду. Как тогда эти Неждановы, Соломины, Марианны искали всенародного счастья, шли в народ, подбивали и его искать счастья, стукались лбами о его темную, но твердую в своих убеждениях жизнь и уходили назад разочарованные в своей цели, убивали себя... (Нежданов) или уходили в свою собственную жизнь, там хоть люди-то были выведены борющиеся во имя идеала, а теперь под лозунгом желания добра народу обкрадывают его в физическом и нравственном отношении и уходят в сторону, набив себе карманы.

20 октября. Опять начинаю ныть! Выдают из Котова девицу певчую, жалко, тяжело, как-то чувствуется, все уходит, надо бросать дело или привлекать новых лиц, опять только привыкнуть к тем и снова жалеть. Ну, твори, Господи, волю Свою, буду, пока сила есть, бороться.

25 октября. Годовщина революции. Была в Угличе, для праздника арестовали трех священников и человек пятьдесят угличан. Сидят, бедные, томятся без видимой причины.

29 октября. Что бы написать? Завтра пойду на собрание в Чурьяково, повторение прошлых годов, один шаг вперед, в школьном отношении, и два назад. Прислали повестку играть на спектакле 9 ноября. Отказалась. Нет времени готовиться. Занялась пением к празднику. Вчера была спевка, пели четыре с половиной часа. Учили Милость мира „Феофановское“, Отче наш, Благослови, душе моя, Господа.

Ноябрь.

9-е. Пятница. На этой неделе вымыли в храме живопись, промыли горячей водой с мылом, вышло, слава Богу, очень хорошо. Мыли девицы, во вторник мыло пятнадцать человек, а в среду пять человек, не домыли верх только в алтаре. Споемся к празднику и готовимся к встрече дорогой гостью Покрова Божией Матери с преподобным Паисием. Святые иконы принесут к литургии 8 ноября.

12-го. Вот и праздник прошел! Прошел так, как желала этого душа. Накануне за всюнощную принесли иконы Покрова Божией Матери и преподобного Паисия. Пели, слава Богу, хорошо, особенно обедню. После обедни Бог сподобил принять иконы Покрова Божией Матери и преподобного Паисия в свою школьную квартиру. Девицы певчие говорили: „Как бы хорошо было, если бы снова началось служение в церкви, опять бы петь и молиться снова“. Хожу на репетицию. Возвращаюсь домой очень поздно. Гостит мама у меня, она страшно обо мне заботится, и меня это беспокоит, приехала погостить на одну неделю и ту проведет расстроенная. Ставят „Позднюю любовь“ Островского, играю Шаблову, роль не по сердцу, не нравится мне эта женщина, потерявшая и маскирующая в себе личность человека – ради рубля, ради наживы, во всех движениях лезть и унижение, но я ее играю, и играю почти с успехом. Почему? Да, наверное, потому, что и сама не чужда этих дурных качеств и наклонностей, они во мне есть, хотя я их и презираю. Пишу и думаю, а ведь я буду стараться исправиться. Удастся ли? Боже, помоги встать твердо на ноги!

13-го. Только что возвратилась с репетиции с Дивной горы, восемь с половиной верст. Заботилась ужасно, как бы поскорей кончилось это все. Страшно устала, голова не работает, не могу писать.

16-го. „Не так живи, как хочется, а как Бог велит!“ – Да, говорю, как Бог велит, а слушаюсь я голоса Бога? Нет, живу по собственному произволу. Было время, когда-то я предала себя воле Всевышнего, а теперь – о, ужас – чуть ли не каюсь в этом. Чем объяснить, не знаю. Жажду подвига,

самопожертвования, а как представился к этому случай – размышляю: принесет ли это пользу? Значит, не способна, а как же жить? Вот запрещают молитву в школе. Колеблюсь, не знаю, на что решиться. Да! Каждый день, чуть ли не каждый час должна замкнуть себя в известную, безграничную, бесконечную рамку, и как на портрет, включенный в оправу и повешенный на видном месте, смотрят други, недруги, так и я с душевною болью исполняю бесслвно приказания, просьбы других людей, как бы они были для меня ни тяжелы. А... нет, тяжело писать... Малодушна. Нет. Не знаю.

30 ноября. Была дома на праздник великомученицы Екатерины, праздник был выдающийся и прошлый. Служил епископ Серафим, отец Павел Лахостский. Пел свой хор. Служба была очень торжественная. 21 ноября в Угличе при Преображенском соборе открылись богословские курсы. Слава Богу! Может быть, духовная пища их одухотворит нас, погрязших во мраке злобы. Записалась туда ходить, хотя два раза в неделю, но все-таки очень далеко.

Декабря 13-е число. Долго не писала. Дома случилось несчастье, помер папа 3 декабря. Была дома. Ужасно скорблю. Здесь в школе еще тяжелей. Похоронили 6 декабря. Хожу два раза в неделю на курсы.

17-го. Целую неделю занималась в Совете по переписи добавочного продналога, сегодня ухожу домой на Рождество.

1922 год. 6 января. Школа Архангельское.

День Богоявления Господня. Нахожусь в школе. Вот уже и святки прошли, скоро, быстро время течет. Душевное настроение было хорошее вначале, родившийся Младенец Богочеловек послал мир, но совершающиеся события его рассеяли. С увлечением ходила слушать на курсы преподаваемые там духовные предметы, как-то: общая церковная история, апологетика, катехизис, а теперь дело чуть ли не разлаживается, т.к. запретили преподавать светским людям, которые были преподавателями в школах: „Или школа, или курсы“. Люди семейные задумались, как поступить, а их четыре человека, с их уходом с курсов получается большой недостаток в отличных преподавателях. Что-то будет? 4-го числа приехали из Ермоловского культурно-просветительного кружка с отношением и Ермоловского Совета „выдать представителю сей бумажки находящееся в вашей школе пианино“. Я запротестовала, не дала, т.к. отношение было написано одним заведующим отделом народного образования Зайцевым, не указывая ни на какое постановление. 5-го пошла в Совет, подала заявление, чтобы оставили пианино в моей школе, указала, что оно является необходимым подспорьем при обучении детей пению. Председатель исполкома обещал провести заявление на пленарном заседании. Завтра собираюсь идти домой на праздник п[реподобного] П[аисия] и также на сороковой день по папе.

17 января. Все прошло, и день сороковой по папе, уже пошел он в уготованное для него место, как Бог его судил. Господи! сподоби его стати одесную Тебя, а не ошуюю. Почтить память папы приехали преосвященный Серафим с отцом протоиереем Лахостским. Приехали за обедню, после служили панихиду и ходили на могилку к папе.

20 января. Сегодня приходила в школу ко мне вновь назначенная в Партусовскую школу учительница. Очень понравилась моя школа, не прочь бы перебраться в Архангельскую школу, что для меня очень нежелательно. В Партусовскую опять никто не идет учиться, и когда этому будет конец. Пианино из школы увезли, скучаю, делать нечего. На курсы в течение этой недели не удалось сходить, очень жаль. Завтра общее родительское собрание, буду просить родителей, чтобы отпустили детей в Партусовскую школу. И мне бы легче, да и для них была [бы] большая польза.

31 января. Завтра наступает февраль, природа подходит к своему возрождению, после зимнего бессердечного солнца наступает переворот, светит и греет, но не то происходит со мной. Мое внутреннее солнце не дает ни одной капельки влаги, не греет, не растворяет заглохнувшие живые росточки. Не благоприятна почва. Забыла, как молиться Богу, забыла думать о своих недостатках, кругом права, везде хороша. Кто может упрекнуть меня в чем-либо, маскирую свои дурные наклонности, мысли, чувства и желания. Фарисейка и больше ничего. Все дурные качества ношу с собой, скрывая их от людей, но Бог Вездесущий и Всеведущий разве не знает меня и всего мне присущего. Не отрини мене, Господи, за беззакония моя.

Февраль. 7-е число.

От 8 января первый раз сегодня осталась ночевать одна в школе. Жутко без привычки. Отвыкла. То гостила монашенка, потом сестра, ночевали девицы, подруги, всё люди были, а сегодня одна. Но это необходимо. Лучше заглянешь в свою душу, разберешь там накопленный материал, того и другого качества. Да, что ни делай, что ни думай, а мне необходимо одиночество, а оно может быть тогда, когда я останусь на всю жизнь девушкой, хотя на все время одна

тоже не могу, необходим человек, но человек, который бы не проявлял надо мною свою тяготеющую руку, не стеснял бы моей воли, с которым бы я могла поделиться душевными переживаниями, оставив на свободе свои чувства. Конечно, высока и ценна по своему значению брачная жизнь, но я для нее, пожалуй, не способна. Не удовлетворит муж, во всем подчиняющийся своей жене, нет к нему уважения, не удовлетворит деспот, стеснит мою волю, а середину не найдешь. Лучше Ты, Господи, направь меня по той дороге, где я могу больше принести пользы для других.

Все здесь написанное я желала сохранить негласным, но всё прочитали, и прочитали те, от коих я берегла, жаль, жаль.

22 февраля. Прочитала все написанное в этой тетрадке и в заключение можно сказать: два года с половиной была не в тех, не в сех, но верила в Бога и в людей, а теперь? – подорвала веру в человека, сама себя стала считать лучше других, и стало еще тяжелей. Господи, зачем я так бессильна, что не могу справиться сама с собою. Не отступись Ты от меня. Сколько пришлось всего услышать, что и не напишешь. Пришлось столкнуться с людьми, но нет, лучше не писать об этом... Много есть что написать, но в следующий раз.

24 февраля. Вчера была вечером на курсах в соборе. Читал лекции отец Василий Воскресенский. Послание апостола Павла Коринфянам. И церковная история „Обращение Савла“. Запретили светским учителям преподавать на курсах, так один из них принял сан священника и стал одним из ревностнейших пастырей Церкви Православной, на курсах взял два предмета: Послания апостола Павла и церковную историю. В.В. Воскресенский. С 15-го по 18-е была в Угличе учительская конференция, где поднималось много важных вопросов относительно школьного дела, но ни к какому выводу не пришли. Остаемся в своих школах на прежних условиях ничегонеимения, ни бумаги, ни карандашей, ни перьев, ни мела, ни книг, нет содержания и для обслуживающих школу. Не на что сделать в школе ремонт, а сколько было сказано красивых речей, сопровождаемых изящными жестами, и к чему, не лучше ли бы было не держать четыре дня людей, а определенно и прямо заявить, что школы содержать государству нечем. Говорят: „Частная школа неприемлема для государства, а то самообложение, наложенное для школ, для больниц, для детских домов на крестьян, не пройдет“, и в конце концов вышло, что школы нет никакой, ни частной, ни государственной. По выражению заведующего отделом народного образования А.П. Серова, „школа должна быть проводником идеи социализма“, довольно сильно сказано, а наша задача при современных условиях научить детей хотя бы с трудом читать и писать. Большого мы, не имея ничего под руками, сделать не можем. Много говорилось и о богословских курсах. Тот же заведующий в своем докладе о ходе школьного дела заявил между прочим: „О работе техникума я не знаю хорошо, но смотря по тому, что из него десять человек посещают богословские курсы, работа там непродуктивна“. Все почти присутствующие, за исключением двух, Приказчиковой и Аверьева, выразили ему на это горячий протест, но безуспешно, он остался при своем. Поднимался вопрос о преподавателях курсов, чтобы возвратиться им на курсы читать лекции, безуспешно. Одно твердит: „Не позволю“. И на этом кончилось. Господи! насколько мы малодушны, бедны, слабосильны. Вера слаба.

Спаситель! подкрепи ее в нас. Ведь без Тебя мы жить не можем. Бьет волнами бурное жизненное море, попали под течение, не справимся. Летим в пропасть. Помоги, встань Ты, Преподобный, Премилосердный, на корму и возьми Своею дланию руль, только и может быть помощь нам „от Господа, сотворшего небо и землю“ [Пс. 120, 2]. „Все произошло само собою – человек от обезьяны, природа сама по себе“. Ну уж, если и так, от обезьяны, так откуда же сама-то обезьяна? До многого дошел человек, много стало изобретений его ума, как-то: обладание паром, электричеством, водой и другими явлениями природы. Но откуда же пар? Откуда же молния? Вода? Земля? Лес? И всё, всё? Откуда? – Всё от Высшего Творца! За истекшие два месяца очень тяжело себя чувствовала, съезд подбавил тяжести еще. Не хотелось бы писать об этом, да как будто выльешь на бумагу, легче станет. Как сказать свою благодарность владыке и отцу Николаю за их поддержку, не знаю, точно и не выразишь ничем, никаким словом.

Март. 1-е число.

Ходила на ночь побывать домой, приехал брат, захотелось повидаться. Он был в последнее время в Петрограде. Есть кой-какие новости. Только бы хотя скорей наступала весна, а с нею и возникала новая жизнь. Великое горе переживает родимая Русь. Неустройство внешнее и внутреннее и сильный голод. Внизу Поволжья так люди голодают, до такой степени их захватил этот недуг, что выкапывают покойников и едят. Родители едят свою умершую от голода дочь. Боже! не могу писать, страшно. В Петрограде 1 фунт хлеба 100 000 рублей. 1 фунт картофеля 23 000, 25 000 рублей. Дожили.

3 марта. Завтра думаю пойти на курсы. Не знаю, где быть третье воскресенье поста. Здесь просят, дома просят. И там, и здесь хочется. Ну да как Бог велит. Душевное настроение какое[-то] волнующееся, бурное. Что бы это такое значило? Бывали такие времена, захватит и отойдет, а теперь вот уже третий месяц воюю, а покоя не найду. Господи, помоги справиться.

7 марта. День Ангела была дома. В воскресенье пела обедню у Архангела. Вышла из дома в семь часов утра, все домашние не пускали, наконец говорят: „Уж лучше иди, чем стонать, проситься“. Очень торопилась. Зашла в город. Там мне подарили на именины чайную чашку. Иду к Архангелу, подхожу к деревне Яковлевской (две версты от Архангела), ударили к началу, вошла в лес, побежала бегом, упала, разбила у подаренной чашки блюдечко и внимания не обратила на это, встала и опять побежала. Пришла в церковь, поют сугубую ектению после Евангелия. Слава Богу, застала Херувимскую и всё... Спели также запричастным „Днесь Владыка твари“, что мне так хотелось. Сегодня жалковато разбитой чашки, но ничего не поделаешь. Вчера получила повестку: 22 марта на общее собрание в Чурьяково приедет заведующий Угличским отделом народного образования. Что-то будет нового?

8 марта. Собиралась пойти сегодня на ночь в город, но вчера получила записку от Шуры Телешовой, спрашивает, не буду ли я дома сегодня? Пришла бы она ночевать. Решила остаться и написать ей, чтобы приходила. Она тоже скорбит, и некому ей поведать свое горе.

17 марта. Много бы надо написать, да все нет времени. 9 марта было собрание в Чурьякове всех школьных работниц волости при присутствии двух заведующих, волости и уезда. По окончании собрания мне было предложено заведующим уездным А.П. Серовым оставить школу или богословские курсы, т.к., по его словам, для советской государственной работницы несовместимо присутствовать в школе и на религиозных собраниях, курсах. Долго пришлось с ним говорить на эту тему. Сначала был поставлен ультиматум: „школа или курсы“, но затем все мягче и мягче. Сразу я на эти слова не ответила, выждала, когда он выльет весь запас слов о происхождении человека, о происхождении мира видимого, полнейший атеист. „Неужели вы верите, – спрашивает он, – что мир сотворен Богом?“ Отвечаю: „Ни разу в этом и не сомневалась“. – „Верите в то, что человека сотворил Бог?“ – „Да, верю!“ Стал разубеждать. „Человек произошел по теории эволюции путем постепенного развития, от первоначальной клеточки, дошло до обезьяны, обезьяна превратилась в человека“. – „Сколько, – спрашиваю, – прошло с тех пор лет, как обезьяна вылилась в форму человека?“ – „Около трехсот тысяч лет“. – „Почему по закону эволюции (который не должен останавливаться на такой долгий период времени) за эти триста тысяч лет ни одна обезьяна не превратилась в человека? и человек остается все в той же степени развития, физически еще даже уменьшается, а не двигается вперед?“ Ответил как-то неопределенно: в одном году в раскопках нашли скелет не то человека, не то обезьяны, и это дает предположение, что человек произошел от обезьяны, и в этом роде еще. „Вот что, – говорю, – Александр Прокофьевич, вера моя создалась не на курсах, туда я пришла для получения некоторых знаний, и прошу вас оставить меня в покое, из школы я не уйду, потому что люблю ее всей душой, не уйду и с курсов, потому что, кроме получаемых (там) научных сведений, я отдыхаю там нравственно“. И вот его последние слова: „Другим я определенно говорил: школа или курсы, а вам этого сказать не могу“. Слава Тебе, Боже, слава Тебе!

С 11-го на 12-е ночь молились все монашенки и много мирян в женском монастыре. Была общая исповедь. Исповедовал преосвященный Серафим. Описать, пересказать тот великий акт исповедования невозможно. Преосвященный своим мудрым, от всего сердца словом заставил в один час просмотреть всю свою жизнь и оценить ее положительную и отрицательную стороны. Но Боже! буди милостив ко мне грешной. Нет греха, кой бы я не сотворила. Не убила физически, убила словом. Не сотворила явно прелюбодеяния, согрешила мыслями. Ведь иногда и исповедуешь свои грехи, но не сознаешь, не чувствуешь их тяжесть, но тут пришлось все пережить, перечувствовать. Да неужели это не Бог влагает слова в уста и сердце преосвященного? Откуда же бы он мог почерпнуть те дивные глаголы? Дивна дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси. 14-го и 15-го была на курсах. Читал отец Павел Лахостский. Ну как же, слушая таких людей, еще сомневаться. Отцу Павлу было задано двенадцать различных вопросов, преимущественно о вере, и он их разрешает, разрешает так, что не получается раздвоения, а прямая уверенность в существовании Творца всех тварей. Жаль очень, вчера были его последние лекции, и мне не удалось быть. Жаль...

Вышел декрет об отобрании церковного имущества, как-то: священных сосудов, крестов и вообще драгоценностей, в пользу голодающих. Но что-то сомнительно, для них ли? Сколько ни собирали в пользу голодающих деньгами, вещами, продуктами, но они, несчастные, ничего не видят. А про эти предметы, которые дороги каждому верующему по своему духовному значению,

и говорить не приходится. Ведь они представляли бы громадную поддержку для власти и в материальном, и в общественном значении, а до их значения нет им дела.

Послание Святейшего Патриарха Тихона, в котором призывается твердо стоять на защите церковного достоинства. Помоги, Господи!

Конечно, если бы это могло принести пользу голодающим, то об этом не было [бы] и речи, но всем русским людям приходится в этом сомневаться, и небезосновательно.

24 марта. Ухожу на Пасху домой, но не знаю, попаду ли. Завтра необходимо быть в Угличе. Курсы кончились, очень жаль, все на прощание снялись у собора. Что-то будет завтра в соборе. Назначено собрание по вопросу об изъятии церковного имущества в пользу голодающих.

Апрель 15-го числа.

Совершилось! Вчера в женском монастыре была комиссия для изъятия ценностей и – о, ужас! – православными руками, христианскими (члены комиссии все православные), снято 18 риз с икон, взяли 6 сосудов, 3 креста, 2 кадила, 2 ковчега. Господи! Плачем о беззакониях наших, ведь все мы своим нерадением, равнодушием к храму, беззаконным делом создали это. Господь сказал: „Грех ради человеческих не пощажу святыни Своей“. Спаситель! согрешихом, беззаконовахом, неправдовахом пред Тобою, но не предаждь нас до конца, умилосердися, не погуби. Покров Царица Небесная, покрой омофором милости Твоя.

14 мая. Нахожусь в школе у Архангела. Хочу городить огород, но мысль невольно выскальзывает. Господи, не могу написать. Гибнет православная Русь. Церкви обобрали, мало... Низложили Патриарха Тихона. Заставляют насильно отказаться от патриаршества. Обвиняют в контрреволюционном выступлении против советской власти. Но кто же это? Да свой, какой-то сумасшедший епископ Московский Антонин, собрал горсть людей, таких же, как сам, одного епископа Леонида, протоиерея, пять священников, сошелся с властью и решил быть Патриархом, устроив так называемую „Живую церковь“; программы ее не знаю, но знаю, что один из приближенных к Антонину протоиереев развелся граждански с женой законной, живет с другой и служит священником. Патриарх Тихон вывезен из Троицкого подворья в Донской монастырь.

Пишут в газетах: „Идет подписка для созыва Поместного Собора“, чтобы при духовном безвластии устроить его и признать на нем советскую власть, хотя о последнем не пишут. Что-то будет! Писать, желать, думать о чем-либо страшно. Погибаем... Создатель, помоги! Пришла к Архангелу накануне Вознесения, часов в семь вечера. По дороге, где я шла, часов в пять убили молодого мужчину. Он был игрок на гармошке. Позвали обманом играть и дорогой убили, отняв только гармонь. Даже сапоги не сняли. Это было 11 мая, а 10-го ограбили на той же Ярославской дороге другого мужчину, отняли узел. Страшно! Страшно, ужас в политике, ужас в общественной, частной жизни, тягота, нравственная и физическая, озверели, потеряли образ Сотворшего нас.

1922 год. 13 сентября.

Что написать? Что сказать? Что сделать? О! Как выразить то, что есть на душе, на бумаге? Завтра Воздвижение Честного Животворящего Креста. О Премилосердный, Всемогущий Создатель, умилосердись и помилуй нас, людей, согрешивших Тебе. Весной писала об изъятии ценностей, возмущалась, а теперь еще хуже стало. Теперь те украшения, которые были поднесены для Бога и святых как дар любящих сердец, все ободраны – жестоко, богохульно, и как же? Да своими православными. Да...

Тюрьмы великой родной Руси переполнены, и кем же? Какими же преступниками? – Сидят Патриарх, сидят митрополиты, архиепископы, епископы, протоиереи, благочинные. За что же? Да благодарение еще Создателю, оказались тверды в вере православной. Не пошли за живой плотской церковью. Остались верны Христу и Его заповедям и за это объявлены контрреволюционерами и посажены в тюрьмы. Боже, помоги им! Теперь вся православная Русь смотрит на них как на пример христианской любви и самопожертвования.

27 октября. Вот больше месяца не писала. Не могу даже на бумаге выразить того, что творится в общественной жизни. Напишу о материальной стороне.

Пуд ржи 13 000 000 рублей. 1 мера картофеля 1^{1/2} миллиона. Пачка спичек 1 миллион. 1 фунт керосину 500 000. Сапоги валяные 45 миллионов рублей. 1 фунт мыла 1^{1/2} миллиона. Одним словом, все миллионы и миллионы, а где их взять? Как будто уже доживаем.

29 октября. Суббота. На улице сырость. Каждую ночь идет дождь. Волга уже была замерзши, а теперь лед весь прошел. Дети из-за грязной, сырой дороги плохо посещают школу. Как жаль мне их. Многим не на что купить настоящей обуви, да ее и нет, и благодаря этому приходится сокращать и без того малое образование деревенских детишек. А как хотелось бы прожить с ними хотя бы до 15-летнего их возраста. Что эти две-три зимы, проведенные в школе. Только успеешь привыкнуть к ним, освоиться с их индивидуальностью – и разлука... разлука навсегда, и очень

тяжело переживаемая. Первый год у меня нынче был выпуск моих приемных. Как они мне за эти три года сделались близки, я любила их, но они ушли. Как тяжело, если так будет продолжаться всю жизнь. Примешь, привыкнешь – и разлука. Они приходят ко мне, но приходят только побывать, они уже не члены нашей школьной семьи, хотя (как видно из их писем) они еще живут школою, но все сотрется их домашней жизнью.

Предоставлен выбор на жизненном пути. Сватается жених, вполне отвечающий моему душевному настроению, С[ергей] Н[иколаевич] Я[рославский]. Но не могу решиться выйти замуж. Не могу расстаться со школой. Жаль этих Маней, Ваней, Ньюшей. Ведь и на короткое время я буду лишена возможности их видеть и жить с ними. Не могу выкинуть из сердца тех, коих я люблю всей душой. Да и время не позволяет устраивать свою личную жизнь. Боже! как мы еще живем, движемся. Трудно жить, когда нет Тебя с нами. Доколе, Господи, забудеши нас? Доколе отвращаеши Лице Твое? [Ср.: Пс. 12, 1]. Сильна, видно, молитва за нас, недостойных, дорогих архипастырей и пастырей, в темнице сущих. А то погибли бы мы в беззакониях своих. Сидят они, страдают, по тюрьмам всей Руси за веру, за любовь, за правду и своим терпением, своей стойкой твердостью дают надежду, что не все еще потеряно, есть надежда на избавление. Что-то будет после 5-летней годовщины революции? 25 октября „амнистия“, будет ли она для них избавлением или нет, еще ничего не известно. Боже, помоги, не отступись!!!

8 ноября. Вот наступил праздник Михаила Архангела. Готовилась встретить его радостно, да недостойна, видимо. Всенощную всю в церкви хворала. Пели худо. Так что-то было не по себе. Обиделся, верно, небесный воевода на мою душевную слабость. Молю вас, недостойная, „от бед избавите“. За обедню пришло на клирос семь мужчин, пять басов. Пели не очень уж плохо. У меня были гости. Ваня – брат. Иван Николаевич – зять. Сестра Сима. Потом приехали из Золоторучья С[ергей] Н[иколаевич] Ярославский с матерью и с сестрой. Они разбили или, лучше сказать, смутили мой дух. Вот еще не все кончено! Не решиться ли идти? Господи! насколько я слаба, помоги!.. И сказать о себе боюсь кому-либо, а вдруг скажут – я неправильный избрала путь. Что тогда? Идти замуж? Нет, не могу! Создатель, направь мой путь. Тебе видней. Чуть-чуть не сказала об этом одной уже пожилой девушке, да, слава Богу, воздержалась.

12 ноября. Суббота. Завтра еду на лошади в Углич, у сестры нет корма для коровы, везу сена. Амнистия для о[тца] Н[иколая] будто бы существует, но еще ничего определенного не известно. Для архиереев нет. Завтра узнаю.

18 ноября. Господи, вот где испытание! Вот когда наступило время, когда я должна совершенно взвесить себя. Как поступить? Какой дорогой пойти? Боже, направь! Решила жизнь свою посвятить для других и никак не могу понять, как это сделать. Представляется случай, думаю, неправильный. Надо будет (может быть, и на время) расстаться со школою. Тяжело...

29 ноября. Все еще на распутье. Господи, помоги разобраться. Идет страшная душевная борьба. Боже! вложи в сердце тех людей истину, коим я посвятила свою тайну.

8 декабря. Боже! Милосердный, Всемогущий, помоги!.. Как пойти? Получила благословение, но не хватает сил сказать решительное „да“. Нет, что ни говори, что ни делай, а два креста мне не снести. Пречистая Дево, Ты все знаешь, помоги! не отступись от меня!

Амнистия проехала мимо духовенства. Еще в Москве осудили сто двадцать человек по церковным делам. Храни их Ты, Всемогущий, поддержи!

20 декабря. На улице сильная оттепель. Везде вода. Ученики плохо посещают школу. Сегодня не было в школе сорок два человека. Отпуск на Рождество 23 декабря. А я думаю отпустить завтра. На Рождество думаю поехать в Москву. Не все двоиться. Надо уже покончить со своим личным делом. Что-то будет? Как Бог благословит? Ехать в Москву не собиралась, но, видно, тому быть. М.И. попросила, и я была очень рада этой поездке. Там видней. Если в настоящее время невозможно посвящение в священники, то моя судьба решится в желаемую для меня сторону. Как живем, Господи? Как движемся? Как еще не совсем погрязли в тине житейской? Молитесь за нас, наши страдальцы! Молитесь! К вам ближе Господь. Господи, поддержи нас на пути Твоем! Не дай нам отделиться, отойти от Тебе, Единого! Управь нами! В настоящее время в Москве и во всей нашей Руси идет сильнейшее разделение. Организуются различные церковные общины. В одной Москве их насчитывается шесть. „Живая церковь“. „Обновленческая церковь“. Союз Древне-Апостольской церкви. Несколько автокефальных с различными уставами и программами. Все ищем самоуправления. Ищем послабления. Трудно жить по заповедям Христа. Нельзя ли на несчастиях, на страданиях других построить свое счастье и свергнуть иго Христово? Но Господи! как не силимся от Тебя освободиться, а ведь к Тебе придем?!

1923 год. 20 января.

Еще Бог привел встретить новый год. Встретить его в Москве. Приехала туда накануне

Рождества. Что-то он принесет? Дай Бог лучшего! Здесь в школе у Архангела вот уже полторы недели. Сурово приняла меня этот год школа: дело за делом, слух за слухом, так что нет времени заглянуть в свою душу. Там в ней, в самой глубине, успокоилось. Я осталась так... Помоги, Матерь Божия, мне быть Твоею навсегда. Помоги! Неужели это правда? Неужели это испытание кончилось? Не верится. Как будто я теперь только и жить начала, после тех ужасных страданий, которые пришлось перенести. Но потом... нет времени писать, да и мешают.

23-го. Как хотелось бы записать свою поездку в Москву. Все не могу собраться это сделать, попробую теперь, что удастся. Приехала в Москву в Рождественский сочельник. Добравшись до квартиры своих родственников, разобравшись кое-как в своих вещах, я поторопилась в Сокольническую тюрьму, передать к празднику посланные со мною вещи для дорогого нашего узника преосвященного Серафима, который заключен уж седьмой месяц. Родственники боялись меня туда отпустить, боялись, чтобы я не заблудилась, т.к. Сокольники были очень далеко. Но, слава Богу, я очень скоро попала к Красным воротам, где мне надо было сесть на 6-й номер трамвая. Приехала в тюрьму. У ворот меня не задержали (было в этот [день] немного посетителей). Прошла прямо в комнату свиданий. Вызываю епископа Угличского Самойловича. Дежурный солдат говорит: „Он вызван на свидание, проходите“. Вхожу – длинная комната, перегороженная от полу до потолка деревянной переборкой, в которой вделано 12 маленьких окошечек с железными решетками, эти окошечки открываются, с одной стороны стоит заключенный, а с другой его посетитель. Свидание 5 минут. В одном из этих окошечек стоит наш владыка на свидании с двумя москвичами и угличанкой. При виде его в такой обстановке что-то сделалось не по себе. Не могла подойти к ним, вышла обратно в приемную комнату. Стою там. Солдат подошел, спрашивает: „Что же вы не идете? Идите, а то свидание кончится, и больше не вызовут“. Снова пошла, подхожу, увидав меня, владыка очень удивился и обрадовался, благословил меня, первый его вопрос: „А все ли у вас там, в Угличе, слава Богу?“ – „Да, – говорю, – все слава Богу. Углич поздравляет Вас с праздником“. От волнения я не могла все передать, да и теперь передать это свидание невысказанно. Сказано было мало, но много пережито. Да! вот стоят эти невинные страдальцы перед нами... Но нет, лучше не буду писать об этом, умолчу. Не выразишь, не напишешь...

Праздник Рождества Христова встречала в приходском храме. Только от устатка насилу отстояла утреню и обедню. Служба была торжественная: благолепный храм, шикарно освещенный электричеством, модный хор. Басистый диакон. Ектении пропевал, нарядная толпа богомольцев, но чем объяснить, непривычкой, что ли, ко всему этому, а душа и сердце были в своем убогом родном сельском храме. Тянуло из этой непривычной обстановки туда, где устами и сердцем славил рожденного Богомладенца.

Пришла на квартиру своих родственников, уснула часа два, попила чаю и пошла за позднюю литургию в Храм Христа Спасителя. Трамваи не ходили, пришлось идти пешком (около часу ходьбы), а по незнанию вышло еще больше, опоздала, пришла уже ко второму выносу. Служит обновленческое духовенство во главе с вновь испеченным митрополитом Антонином. Боже! пришла не молиться, а только ради любопытства. Народу было очень много, но пришли и они, видимо, руководимые моим чувством. Никто почти не молится. Все стоят и смотрят. Служили молебен. Не по уставу, а только чтобы было эффектно. Возгласы на русском языке. С особым выражением, с какими-то изгибами, просто выражаясь, выходит бесчинный вопль. После литургии Антонин сказал речь, проповедью назвать нельзя, потому что религиозных вопросов почти не касался. Начал с войн шестидесятих годов, только и было война и „я“, война и „я“. Себя превознес до третьего неба. „Бого-младенец ущипнул мое религиозное чувство, и мы встали на страже рычага Церкви Православной“. В заключение протоиерей провозгласил многолетие ВЦУ и митрополиту Антонину. По окончании литургии из всей многочисленной толпы богомольцев под благословение подошли человек сорок-пятьдесят. При выходе из храма я протерлась к Антонину, чтобы поближе посмотреть на него, все же историческая личность. Седой, лет под семьдесят. Выражение лица ужасное. Отпечаток жесткости, злобы в чертах, ненормальности, взгляд отталкивающий, злобный. Жаль мне что-то сделалось его. Господи! призови его к Себе. Не покинь совсем на склоне лет его. Не отступишь от него!

На второй день Рождества была за литургией в Донском монастыре. Служил епископ Феодор с двумя архимандритами и несколько иеромонахов из этого монастыря. Вот где истина! Вот где благодать! Вот где высокорелигиозная, духовная настроенность. Только проникнуться простотой, той чистой духовной простотой, с которой совершалось богослужение, и не будет раздвоения. Прочь отойдут все сомнения, все гордые помыслы, что нужно Церкви обновление. Нет, не обновление нужно, не изменение ее уставов и обрядов, а простое, строго религиозное

исполнение единого данного нам на потребу. Всю службу проплакала, проплакала слезами радости, что не все еще утеряно, и слезами печали, что за сие страждут люди. Но Господь будет им помощник.

После литургии просила е[пископа] Ф[еодора] побеседовать со мною в течение этой недели, когда он найдет удобным. Ответил: „В 12 часов я всегда здесь в церкви, в любой день приходите сюда“. На третий день была в Сокольниках. Свидание дали продолжительное, четыре часа. Обо всем, обо всем переговорила с владыкой. Об общем положении и о своем личном. Решающего совета он мне не дал. Говорил посоветоваться с епископом Феодором и с отцом Алексием Мечевым. Была и у того и у другого и получила почти один и тот же совет от обоих – остаться учительницей. Не буду записывать беседы с ними со всеми. Все равно они никогда не изгладятся из моей памяти. Была в Донском монастыре, получила благословение от великого узника Святейшего Патриарха Тихона. Благословение в открытую форточку в окне. С тем свидания не разрешают ни одному человеку. Даже приобщают при солдате. Что чувствовала я, получивши такое благословение, не могу теперь описать, да и вообще писать о тех переживаниях, которые были тогда при виде этого убеленного сединой человека, еще не старого человека, заключенного в келью схимника, под строгой охраной евреев. Невозможно, сил нет... Не буду... Одна просьба к ним, заключенным. Молитесь за нас, наши страдальцы, молитесь. К вам ближе Господь.

Неделю была там и в эту неделю пережила то, что, может быть, во всю жизнь не удалось бы пережить. Пришлось и побывать в местах, где много лет жившие в Москве не побывали. Как-то: 4 раза в Сокольниках. 2 за Даниловской заставой. 2 за Калужской. 3 за Покровской. 3 на Смоленском рынке. 3 на Пречистенке. 5 у Сухаревой. 4 на Таганке. На Маросейке, на Трубной, Лубянке, на Театральной. Была во многих храмах Москвы. На Новый год. Ночью за молебном. Отрадно записать, Москва верует и молится. Храмы всегда переполнены народом. Спасибо давшим мне возможность побывать в Москве и успокоиться духовно и нравственно. Тверже встать на избранном пути.

28 февраля. Последний день месяца хоть вкратце черкнуть пережитое. Второй год февраль дает себя знать. Заступница, не отступись! Все живу ничего, сознаю все свои слабости, а как дошло до конца февраля, опять по примеру прошлого года лучше всех. Господи! отжени от мене врага. Помоги снова встать на свою дорогу. Так тяжело, что и не напишешь. Хороша – хороша, а у самой лед вместо сердца. Создатель! Помоги! направь на путь истины Твоей!!!

За храмы платить деньги надо, не заплатишь, служить нельзя. С Котовского храма заплатили 400 000 000 рублей, а с Архангельского 775 миллионов. Священнику надо для служения в храме выправить „патент“, стоящий для городского 75 миллионов, а для сельского 50 миллионов. Слышится, что скоро будет и на церкви, и на духовенство еще налог, который будет усчитываться уже миллиардами. Но все равно не откупимся за свои беззакония деньгами. Надо нравственно перестрадать, перечувствовать, что имели и не хранили. Двери храмов сотни лет были бесплатно открыты для нас. Не ценили этого сокровища, а теперь стоим. Да кто же и виновен в этом, как не мы сами. Боже, пощади! обрати нас (как Ниневию) к покаянию, да сознаем всю гнилость, нерадение наше. Помоги! Не отступись!

6 марта. Встречала день своего Ангела в Угличе. Была за ранней литургией у Вознесения, после поздней поехала с сестрой домой. Хотела говеть на этот день, да не удалось. Отец Н[иколай] Воскр[есенский] получил свободу. Предполагается, что ему разрешат служить. Решила обождать. Сидел в тюрьме семь с половиной месяцев.

5 марта со многими пришлось поговорить по душам. Слава Богу, замечается переворот или, лучше сказать, потуги к усовершенствованию. Все антирелигиозные лекции-беседы стали принимать другое направление. Слушатели стали глубже рассматривать все поднесенные в готовом виде термины – о несуществовании Творца мира видимого и невидимого. Та ложь и пошлость ошеломила их. Стали поговаривать, что есть и Бог. Накануне дня своего Ангела по дороге за всенощную в собор встретила с одним из школьных работников (бывшим атеистом). „Куда вы?“ – спрашиваю. „Да, вот, – отвечает, – в маленькую церковь на берегу Волги. Хочу исповедаться. – „Вы, – говорю, – исповедаться?!“ – „Да, я иду исповедоваться! Пора, – говорит, – встать на истинный путь“. Пора сознаться в своем заблуждении. Чем глубже уходишь в науку, тем больше сознаешь узость, односторонность своих взглядов. – „Бог есть“. Как отрадно слышать эти два маленьких, но многозначных слова во время, когда власть рассылает по школам бумажки: „Никто из учащихся не имеет права принимать участие в церковном богослужении. Ни петь, ни читать. В тех местах, где бывают учащиеся, – вынести святые иконы. Если школьная квартира учащего соединена со школой, то из нее тоже иконы вынести, и учащий не имеет права пригласить в свою квартиру даже духовника“. При прощании мой знакомый сказал: „Верьте, что

многие стали возвращаться к своей матери Церкви". Слава Богу.

13 марта. Понедельник. 10 марта был в школе инструктор и удивился при опросе детей их общественной неподготовке. Мне замечание: „Учебная сторона у вас, как и всегда, идет хорошо (он мою школу инструктирует третий год), а в политическом отношении дети недоразвиты, да и вас, – говорит, – я привык видеть всегда веселой, жизнерадостной, а теперь замечаю перемену“. Да, это истинная правда! Осеннее испытание оставило свой след. Не могу после него никак справиться, во-вторых, не могу никак подладиться к текущим событиям. Не в то качество и цвет попала. Надо, говорят, приноравливаться к жизни; а как, когда интерес-то к ней потерян, осталась одна только апатия. Да как-то и язык не ворочается начинать этих Ванюшек, Колюшек, Машуток советской Конституцией, историей социализма и историей первобытного человека, произошедшего эволюционным путем от обезьяны, обитающей на острове Ява, который и переименовали теперь в тот рай, в котором жили наши праотцы Адам и Ева. Как говорить это детям: „Человек произошел от обезьяны, а не сотворен Богом“. А откуда же появилась на Яве обезьяна? Люблю школу, это душа моя! Но невольно теперь приходит мысль: не уйти ли? Ведь такой работницей, какая требуется теперь для Советской России, я быть не могу, а самой притворяться и этим огораживать себя не по силам.

11 марта было общее собрание школьных работников волости. Я в этот день исповедовалась и приобщилась Святых Таин у возвратившегося страдальца отца Н[иколая] Воскресенского. После литургии я пошла на собрание. Туда прислали представителя от отдела народного образования М.А. Васильковскую. Она пробрала меня на все корочки за мое нерадение к работе среди членов нашего кружка, о проведении идеи марксизма. „Пора, – говорит, – отрешиться от той сказки, что мир сотворен Богом“. А она ведь бывшая моя руководительница.

21 марта. Вторник Страстной недели.

Сегодня отпускаю учеников и ухожу домой на Пасху. На улице стоят сильные морозы. Нет еще нигде местечка вытаявшего. Как-то Господь приведет встретить нынешний год Светлое Христово Воскресение. Скорбит душа за всех страждущих и плененных. Как-то и они встретят в темницах Воскресение. Помогите им, Господи! В конце марта по новому стилю над Святейшим Патриархом Тихоном был назначен суд, но почему-то отложили его до тех пор, пока не совершат над ним суд церковный. На 15 апреля был назначен Всероссийский Поместный Церковный Собор. Но и он отложен, до 6 февраля (*«Второй Поместный Всероссийский Собор» (первый «обновленческий») был открыт 29 апреля 1923 г. в Москве, в Храме Христа Спасителя. Собор вынес резолюцию о поддержке советской власти и объявил об извержении из сана и лишении монашества «бывшего патриарха» Тихона.*). Никак не могут еще решиться съехаться эти христородавцы, льстецы перед властью (которая в душе их презирает) для окончательного душевного погребения Христа, а вместе с этим и всех высоко нравственных идеалов. Не допусти, Создатель, вконец нам погибнуть! Раствори наше очерствевшее сердце страданиями великих узников за веру.

А все же милостив Господь. Он утешил нас к празднику. Шесть недель не было вести от нашего глубокоуважаемого узника е[пископа] С[ерафима]. Сколько было пережито в это время всякого рода треволнений под впечатлением распускаемых слухов: отпуск дан, в подвал посажен, в Сибирь сослан, убит. Думалось, уже все кончено. Но вот радостная весть: „Он жив и здоров, отправлен в колонию для сельскохозяйственных работ“. Слава Тебе, Боже, слава Тебе!

14 апреля. Вот и Пасха прошла. Я уже десять дней как у Архангела, а все еще не написала ничего. Страстную неделю было очень грустно. Когда никого около меня не было, плакала. Светлое Христово Воскресение встречала с грустью о том, что много людей лишено возможности встретить этот великий день в храме. Радость Воскресения и печальная мысль о том, как-то все эти невинные страдальцы переживают эту ощутительную для всего организма весть?.. Христос воскрес!!! Все смешалось в уме. То было печально, что они сидят в тюрьмах, то радостно, Христос как бы говорит им: „Я страдал, умер за людей и от людской злобы, но вот уже и воскрес. Воскрес еще для большего прославления Своего имени, для спасения мира, и исчезла злоба. Смерть пожерта“. Господи! воскреси и нас, мертвых духом.

16 мая. С лишком месяц не писала. Почему? Не было что писать? Нет, не потому, а писать отвыкла. Все недосуг, все некогда. Готовила учеников к прибытию инструктора. Приезжал – отвечали не очень плохо. От зимы поправились, да и я лучше себя чувствую, хотя меня все еще сбивают выйти замуж. Нет – не подойдет та жизнь для меня. Так лучше. Буду стараться, чтобы побольше дать, научить дорогих, милых моих деток. Знают ли они, как они для меня дороги! О! знают. Вижу и их любовь ко мне. Благодарю за сие Бога! Отпустила на лето с 4 июня нового стиля, самой идти на курсы, которые будут продолжаться месяц. Будут начинать политикой, социализмом, коммунизмом, безверием. Не идти туда – надо кончить школу. Буду просить

Царицу Небесную, чтобы Она помогла мне. Она знает, что и как лучше. По окончании курсов надо сдавать экзамен. Не выдержишь – вон из учительниц. В полтике что-то неладно. Англия предъявила „ноту“ Советской России в 50 пунктов, самое главное – требует освобождения заключенного духовенства. Что будет? В половине апреля был незаконно созван Поместный Церковный Собор, возглавляло красное духовенство. На Соборе постановили приветствовать СССР. Низложили Святейшего Патриарха Тихона. Чем кончится эта борьба? Восторжествует ли правда?

Духовенство, оставшееся на свободе и верное канонам Церкви Православной, страшно преследуется властью. Громадные налоги на храмы, по 2, по 3 и по 5 миллиардов. В феврале платили страховку от 500 миллионов до 1^{1/2} миллиарда, в апреле подоходный налог от 1 до 3 миллиардов, в мае земельный налог от 2 до 10 миллиардов. Как еще держится люд. Редко закрывается храм, все почти оплачиваются. Помоги, Господи! не погуби нас за беззакония наша.

1923 год. Осень. 24 сентября.

В школе нахожусь вот уже две недели. Хотя вкратце черкну о прошедшем лете. Была на курсах. С 4 июня по 4 июля. Вопреки ожиданиям, что там будут начинать политикой и еще чем-то, курсы вышли почти чисто педагогические и очень полезные для школьной педагогической работы каждого просвещенца. Много, много было сообщено новых методов и приемов преподавания и новейших сведений для саморазвития. Была и антирелигиозная пропаганда. Но вместо девяти назначенных часов было прочтено четыре, и то кое-как. Лето погода была все время холодная и очень дождливая. Не видали ни одного знойного дня. Работать в поле приходилось одевшись.

Занятия в школах начались со 2 сентября, а я начала позднее. Была делегирована от Союза Упроса по Ермоловской волости проводить собрания по прикреплению школ к району, т.е. содержание школы и ремонт ее взвалить на плечи крестьян. Собрания хотя проводила и не я, а для мебели ходить надо было. Туго принимали. Приходилось в одной школе устраивать по два собрания. У меня в школе тоже было два собрания. Во второе собрание приняли смету в количестве 248 пудов 20 фунтов на учебники и ремонт школ. А все же я не люблю этой работы собрания, нет лучше быть школьной работницей. Учеников у меня нынче двадцать шесть человек во втором отделении и семнадцать человек в четвертом. Как-то Бог поможет провести год. Дай Бог, чтобы не повторились страдания прошедшего.

2 октября. О, радость, радость великая! О, дорогой, всеми чтимый праздник Покрова Божией Матери! Благодарим Тебя, Владычице, что Ты усугубила нашу радость. На праздник освободили из тюрьмы нашего дорогого страдальца епископа Серафима. Освободили окончательно. Служил молебен, всенощную и литургию. Слезы, слезы благодарности лились к подножию Вышнего престола и выражали тем ему приветствие от всех. О Матерь Пресвятая, о Божий угодник Паисий, примите его вы под кров свой, от бед и напастей его сохраните.

25 октября. Каждый день собираюсь писать в этой тетрадке и каждый день откладываю на завтра. Сегодня ведь праздник – годовщина революции. Вот уже шесть лет промучились. Сколько-то еще осталось? А что бы все переживаемое в эти годы записывать, записывать все из ряда вон выходящие события, а их ведь много, чуть не каждый день все новое и новое. Взять хотя экономическую сторону государства. Каждый день цены повышаются на продукты. Повышаются не на гроши или копейки, а на миллионы рублей, прежний серебряный рубль повышается ежедневно на 30–40 и 50 миллионов рублей. К сегодняшнему дню он ценится в 700 миллионов рублей. Купить кожаные сапоги надо заплатить за них 12 миллиардов рублей, а крестьянская корова стоит 15 миллиардов. 1 пуд ржи 850 и 900 миллионов. Валенки 3 миллиарда. Аршин ситцу 400 миллионов. Картофель 100 и 120 миллионов мера. Как крестьянство проведет год при нынешнем неурожае и при таких громадных налогах? Один только Бог знает. Налог за землю, за лошадь, за корову, за свинью, за дом, за огород, за церковь, за землю под церковью, да просто за всё.

Теперь городские жители. Громадно сокращение во всех советских учреждениях, вот, например: по одному почтовому ведомству в общероссийском масштабе сокращение на 10 тысяч человек, и по другим не меньше. А жизнь все дорожает и дорожает. До чего же в конце концов дойдем? Теперь уже начинаются убийства и воровство на дорогах, а дальше что же будет? Нет уж, видно, вконец прогневали Господа! Нет нам пощады.

1 ноября. Погода стоит очень сырая и теплая. Ежедневно идут дожди. Грязь везде непролазная, дети плохо посещают школу. Совершенно ходить невозможно. Снегу еще почти не было, заморозков тоже нет. Волга, по-видимому, долго не встанет, т.к. вода сильно велика. Сегодня в обед школьники играли во дворе босые. Тепло и сыро.

2 ноября. Сегодня плохо спала ночь. Тревожит школа. Плохо двигаемся вперед. С одной

стороны, зависит от меня, что-то лениво занимаюсь, с другой – от переживаемого времени. Вот, например: 4-е отделение. Программа для него широкая. География, история [слово нрзб.], обществоведение, физика и т.д., а как пройти, не имея даже для себя (я не буду говорить о школьниках, иметь книгу каждому учащемуся –это только одни мечты) никаких пособий. Вычитаешь что, расскажешь им, а много ли они упомнят. Записывать, так еще хуже. Нет бумаги, и писать-то учимся! Неужели и не доживешь до того времени, когда в школе будет все? Долго еще до этого!

Собрали с крестьян часть хлеба на помощь школе. 4-го или 7-го числа пойдем покупать в город бумагу. Очень дорога. Не много купишь.

5 ноября. Воскресенье. Сегодня венчали девицу из певчих. Выходит в свой приход в деревню Федотово. До церкви одна только верста, а петь ходить все равно не будет. Все выходят и выходят. Осталось в хоре только две девицы. Дай бы Бог и мне выйти, но спаси, Пресвятая Богородице! – не замуж, а в поле, в широкое поле учения, для пополнения своих скудных знаний. О, только бы хотя иметь надежду, что это случится, и то бы было жить легко. Пишу и думаю, а как я нелогично излагаю свои мысли. А почему это? Да просто потому, что хочется самой от себя, даже не только от людей скрыть: „Есть тайна у меня; глубоко запала в сердце мне она. Я не скажу ее, не выдам. Порою мне страдание она приносит, порою отраду, счастье мне дает. И с надеждою на Бога бодро я смотрю вперед“.

Вчера ходили с председателем школьного совета в город. Купили бумаги полторы стопы. 2 дюжины карандашей. 10 чернильных порошков. Завтра есть что дать ученикам. Хоть с этой стороны полегче будет.

8 ноября. Праздник в церкви народа было мало. За всю ночь человек пятнадцать только, да и невозможно прийти. Грязь везде непролазная. Каждый день идет и идет дождь. Мне захотелось отзвонить на праздник ко всеобщей. Забралась на колокольню, и, пока сторож звонил в большой колокол, я смотрела на окрестность, так сделалось грустно. Везде и всюду стоит вода. Воздух тоже насыщен водяными парами. И просвета не видать. Что же дальше будет? Невольно вспомнился мне рассказ о Всемирном потопе. Тогда Господь сразу положил конец беззаконию людей. А теперь еще все долготерпит и ждет нашего раскаяния. А будет ли оно? Не погибли ли мы вконец за наши беззакония? Господь как будто спрашивает: „Веруете ли в Мя?“ О Господи! Веруем! Веруем! Помогите нашему неверию! К вечеру начал порхать снег, и, пока мы с братом были в Селиванове в гостях, снегу навалило на четверть, так прямо на воду, на грязь, без мороза. Останется — все погубит.

9 ноября. Снег не тает. Начинает немного морозить. Брат ушел домой. День читала книги, полученные от отдела народного образования для внеклассного чтения учащихся. Получила 62 книги, а дать почитать детям нечего. Хорошо они не поймут содержания (так и читать для них неинтересно), а поймут, какая для них польза, нет почти во всех книжечках ни одной светлой стороны. Все порок и порок. Зачем же давать детям их? Зачем их развращать?

13 ноября. Снег стаял, реки разлились, как в весеннее половодье. Теперь начинает морозить, сегодня день даже и не оттаяло.

Вчера была в городе. Получила жалованье за ноябрь месяц, 17 миллионов, думается, очень много. Пошла в лавку купить что-либо для праздника в честь великомученицы Екатерины. 1 фунт белой муки 105 миллионов, фунт мыла 400 миллионов. Спички 300 миллионов. Керосин 70 миллионов фунт. Фунт баранок 130 миллионов рублей. 1 фунт изюма 450 [миллионов] рублей. 1 фунт сахара 825 миллионов. 1 фунт конфет 450 миллионов. Крынка молока 150 миллионов. Сапоги валяные шесть миллионов. Кожаные 20 миллионов. Получила миллионы, а на башмаки не хватит.

21 ноября. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Сегодня за обедней и вчера за всеобщей было много народа в церкви. Слава Тебе, Господи! Пели всем хором так: не хорошо, не худо. Но чувствовалось легко. Одно омрачало: ну да об этом я умолчу. Эти переживания и чувства никогда не забудешь и не писавши. Часто думаю: сказать об этом кому-либо или не надо, а, пожалуй, не выскажешь. Один раз уже было совсем собралась, а время пришло, и не могу сказать.

26 ноября. Сегодня возвратилась из дома. Накануне праздника великомученицы Екатерины попала домой. Много меня раньше смущала Волга. Была в Угличе 22-го, лед шел, и возили на лодках. Вечером 22-го встала, утром 23-го пошли. Так я была рада, что попаду на праздник домой. Люблю я праздновать праздники в своей маленькой церковке. Как-то умиротворительно действует на душу и служба, и обстановка нашей чистенькой церковки. 25-го начал таять снег и очень сильно, сегодня переходила тоже по льду через Волгу, хоть несколько и опасно. Жаль, опять

бы Волга не двинулась.

10 декабря. Пятнадцать дней прошло, как не писала, а пережито, Боже мой! Боже мой! сколько! Господи, насколько, надолго ли хватит силы переносить все эти страдания? Праздник святителя Николая была у Архангела. Брат в это время был в Москве. Опять несчастье с владыкой. Получена от него телеграмма: прислать вещи. Он работал в Харькове, обращал заблудившихся, т.е. перешедших в красные, снова на путь истинный. За это был в 24 часа выслан с конвойным в Москву. В Москве лишили права выезда, пока дело не разберется. Чем кончится, неизвестно. Господи, когда же конец? Углич, бедный Углич! Крепился, крепился, а теперь – что будет? Отнимают у нас всю нашу надежду и утешение.

18 декабря. Два дня была на съезде. Все по-старому. Вот разве только комсомольцы будут нами управлять. Втюрили одного в Союз. Просто что-то не хочется и писать об этом. Не по душе...

Доклады с мест. Только говорят о кружковой работе, а о школе все забыли. Надо, видишь, быть политически развитым. А школа? – ну это второстепенное. Сегодня отпустила детей на Рождество.

24 января 1924 года.

Третью неделю здесь, у Архангела, а еще ни разу не пописала. Праздники прошли очень торжественно. Углич духовно веселится и радуется. Над ним снова светит ясное солнце. Возвратилась наша надежда и утешение. Радуются все желающие и имеющие возможность посещать богослужения, совершаемые преосвященным. А я желаю и не могу. Совсем закружилась со своими школьными делами. Праздник пр[еподобного] П[аисия], обедня, а мне надо в школу ехать учить. Всенощная на воскресенье – собрание, нельзя. Обедня в женском монастыре – надо бежать к Архангелу, читать лекцию о туберкулезе. И приходится только жалеть и сокрушаться, что Бог не приводит быть там, куда стремится душа. Видно, недостойна. Потянулись все к владыке со своими горями, печальями, для всех у него есть утешение и ободрение. Помоги, помоги ему, Матерь Божия! Покрый его от бед и напастей!

27 января. Воскресенье. Праздник, а я по дорогам болтаюсь. Ночевала в Угличе. Хотела к обедне поспеть к Архангелу, не застала. Подхожу к селу – народ навстречу из церкви идет. Один из встречных мужчин поздравил меня с праздником. Так что-то мне больно сделалось от этого поздравления. Он был в церкви, имеет право сказать „с праздником“. А я утро проходила по родственничкам, ну и опоздала. Вчера вечером было собрание. За всенощную пришла к Хвалите имя Господне. И так идет почти всю зиму.

14 февраля. Начался февраль месяц. Вот уже третий год он налагает на меня какую-то душевную тяжесть. Каждый год по-разному, от разных причин, а все февраль приносит страдание. Как бы хотелось открыть кому-либо из тех, кои много знают из моей жизни, свою душу, свои переживания. Сколько раз собиралась сказать, но почему-то не хватает ни сил, ни смелости. А что, если скажут на мою исповедь: так нельзя жить, да и пользы мало от этого. Тогда что? Ведь, пожалуй, не по силам будет устраивать жизнь по-новому и вырвать с корнем из сердца то, что давало и дает мне силы переносить испытания. Нет уж, лучше, Господи, если я получу отрицательный ответ, дай Ты мне силы перенести все в себе, никому не выдавая своего душевного переживания. Ведь уже семь лет исполнилось, как храню, хотя чувствую, что, если бы не осудили меня те, коим я открылась, мне было бы гораздо легче.

В школе плохо идет дело вперед. Все-таки во всем недостаток. Все читаешь и читаешь, точно лекции, ученикам. Сегодня говоришь, а через неделю об этом забудут, снова повторять.

28 февраля. Праздник – Свержения самодержавия. Занятий нет. Для праздника приехали ко мне два неожиданных гостя: инструктор губернский и уездный. Вот уж, что называется, поздравили меня с праздником! Нет революционности в школе. Нет в школе детей, весело проводящих праздник. Нет плакатов на стенах, характеризующих современные события. Слишком много пахнет церковностью и т.д.

Стою, слушаю и думаю: о революционном настроении судят по стенам; да, я, пожалуй, надену маску, налеплю на стены плакаты с надписями „Да здравствует советская власть“, „Вечная память ее вождю товарищу Ленину“, „Бороться до победного конца“, „Голодранцы со всего свиту, собирайтесь до купы“ и т.д., а о чем все это будет говорить, будет ли оно относиться к педагогической деятельности и будет ли говорить о моей революционной настроенности? – нет. „Поменьше церковности, побольше революционности“, а толк-то от этого какой?

Господи, как это все надоело. Когда же конец? Притворяться не умею, и за это всегда попадает, а в учительницах держат. Ну и гнали бы. Самой уйти сил не хватает. Говорю им: „хочу учиться“, так предлагают поступить в рабфак или в педофак. Одним словом, только учись, но из школы не гонят, а если не туда, так не желаете ли на курсы поступить, на курсы отказалась. Только

силу тратить, а пользы существенной нет.

12 марта. Время идет. Скоро уже и конец занятий, а много ли сделано? Очень и очень мало. Так и учимся всю зиму кой-как.

16 марта. На улице сильная оттепель. Третий день тает вовсю, день и ночь течет с крыш. Вот уже скоро и весна. Что-то она принесет? Надоело все. Учиться страшно хочу, да не знаю, как за дело взяться. Да что-то те, которые меня учили раньше, не советуют, говорят: „Надо пообождать“. Как видится, боятся той развращающей среды, в которую придется войти. Господи! ведь не все же там плохие люди. Ведь хороших все больше, да и притом никто не знает, как я живу сейчас, теперь, чем полна моя жизнь. Часто приходится мне слышать о том, что я веду жизнь ненормальную. „Никого не любя и никем не интересуясь, – говорят, – жить нельзя“. Правда – совершенная правда! Но люблю ли я кого? Кем и чем полна моя жизнь, этого никто не знает. Для меня она полна и нормальна. Другой жизни я и не желаю. Об одном только прошу Господа, чтобы Он не прогневался на меня. Не взял бы от меня то, что Он дал мне, и помог бы сохранить все в тайне. Бывает и тяжеленько, и ой как тяжеленько, но Бог милостив, проходит, проходит, не оставляя следа.

19 марта. Вчера вечером возвратилась из дома и из Углича. Везде удалось побывать. 17 марта было три собрания, думала, ко всенощной не попасть. Ко всенощной не попала, а на вынос Креста успела совершенно неожиданно домой. Иду бором и слышу – в нашем приходе звонят к третьему звону, я и давай спешить. Пришла в церковь, только начали петь Великое славословие. Была очень рада, что застала, чего так хотелось. Всенощную на этот день начали на полтора часа позднее. Священник был в городе. Так уж на мое счастье.

На улице сильно тает. Ученики плохо посещают школу. Сегодня получила от родителей записку – прекратить на время распутицы занятия. Не знаю, как быть с этим. Сегодня же вечером собиралась идти в Углич в женский монастырь, ко всенощной на праздник Умиления Божией Матери, но сильно плоха дорога. Господи! как легко, легко на душе. Чтобы всегда так было, а ведь это от той богатой духовной беседы в воскресенье.

26 марта. Сегодня возвратилась из Углича. Ночевала там три ночи. Так было хорошо там, в Угличе, так хорошо, пожалуй, и не выразишь пером. Господи! как многомилостив Ты! Как Ты печешься о Своих созданиях, дорогой Ты наш Искупитель. С 23 на 24 марта в соборе была для всех желающих общая исповедь. Исповедовал наш любимый архипастырь епископ Серафим. Полный храм народа, все с жадностью ловят каждое слово архипастыря, слово прочувствованное и глубоко переживаемое им самим. Все слились во единое-общее и нераздельное существо. Различий нет. Все братья и сестры. Да, велик этот момент духовного единения друг с другом. Помоги, Спаситель, нашему светильнику гореть светом Твоей Божественной благодати. Поддержи его на его многотрудном пути. Тако да просветится свет его пред человеки!

Часто слушаю его проповедь, не слова действуют умиротворяюще на душу, не доказательство какого-либо догмата, а та вера, то глубокое, духовное настроение, которым проникнута проповедь. Нет (как видится), вера проста, неделима, как просты и неделимы первичные существа, огонь, воздух и вода. Ведь другой раз какое-либо одно слово, но сказанное от истинно верующего сердца, бывает сильнее всех научных доказательств. А у него всё, каждое слово, каждое дело проникнуто горячей верой. Помоги, помоги ему, Господь!

В ночь на 24 марта у нас были в школе воры. У школьной прислуги унесли все, что было, хотя и всего-то было немного. Прямо можно сказать: „У нищего кошель взяли“. Осталась бедная девица ни с чем.

29 марта. Сегодня ухожу домой, учеников отпустила на Пасху. Реки разлились. Ходить стало совсем невозможно, не знаю, как попаду и сама домой.

10 сентября 1924 года.

Вот и шестой год у Архангела, верно так Богу надо, если только Он от меня совсем не отступился. Хотела учиться, не удалось, хотели перевести на другое место – пожалели. Учеников семьдесят восемь человек. Необходим еще учащий, кого-то назначат? Хорошо бы ту, которую просила в отделе. Открывая эту тетрадь, я удивилась, как долго я ничего не писала, а много было интересного пережито за это время, много было и тяжелых моментов. Весной в первый раз ходила по переписи продналога, шла с заботой, совершенно не зная этого дела, но до конца район довела. В это время опять был арестован и посажен в подвал наш дорогой владыка. Сидел с лишком два месяца, почти не выдавши света Божьего. Много пришлось ему пережить, переиспытать за это время всего. Помер в это время брат владыки. Утонул его любимец и любимый всеми, кто его знал, Боря Крылов. Смерть Бори тяжело подействовала и на нас, бывших на свободе. Умный, добросердечный, преданный Церкви Православной, чистый, только

достигший двадцатилетнего возраста, ушел от нас, ушел так неожиданно. Так, видимо, было надо случиться. Вспоминается мне сейчас первая панихида в доме Крыловых, когда Борю, поймавши в Волге, принесли в дом и положили во гроб. В белом стихаре, в белом гробе лежит покойный-покойный, как будто радуясь, что ушел от всех бурь житейских, от всех испытаний. Завидовала я ему. Думала, а что бы Господь сжалился да и меня взял. Но ему там будет лучше, он лежит довольный, а я с чем туда приду? Что принесу, какое оправдание за содеянные беззакония дам Праведному Судии?

Не остави мене, Господи Боже мой! Не отступи от мене! Не отними Ты от меня моей отрады и утешения.

12 июня нового стиля у старших учеников был учет знаний. Сдавали двенадцать человек. Все сдали. Семь человек учатся дальше.

2 октября старого стиля.

Господи, Господи! Как Ты многомилостив, как мне благодарить Тебя за ниспосланные Тобою великие милости ко мне, унылой, нерадивой рабе

Твоей. От 10 сентября много пережито, много перечувствовано. В школу назначили не ту, которую просила, а ту, против которой я была, которой я так боялась. Это мне в наказание за мое малодушие. Ходила выяснять в отдел – там мне ответили, что пришла сестра назначенной и сказала: „Тихова хочет, чтобы Антонину назначили к ней“. Ну и назначили – хотя Тихова и против. Но теперь как будто и легче стало. Только очень жалею деток. Не могут они никак привыкнуть к ней. Ну да, может, еще Бог и по-другому устроит, напишу лучше о светлом празднике Покрова Божией Матери Владычицы. О нет, не могу писать, плачется... Сколько после пережитых волнений духовной радости, сколько поддержки и во время тяжкое получила я по милости Ее, сострадающей к моим немощам. Пречистая Дево!

15 октября. Учу этот год одна первое отделение, а от работы некогда вздохнуть. Учеников шестьдесят три человека. С девяти до трех занимаюсь в школе, а с пяти до десяти вечера начинаю себя политикой, чтением газет, ленинизмом, комплексами. Для чего, спрашивается? А для того, чтобы показать на собраниях: вот, мол, знай наших и не гони из школы вон. Работаю как вол, а удовлетворения нравственного не получаю. Сколько силы потратишь на составление какого-либо доклада для прочтения в местном или комплекса для прохождения в школе – прочитаешь – одобряют, найдут даже очень хорошим, а придешь к своим Манюшкам-Ванюшкам, снова строй комплекс, тот нужен для одобрения, а этот для прохождения в школе, приноравливаясь к развиту детей. Скажешь об этом – и снова суждение, и снова вопросы с той же мыслью, но только изложенной другими словами, и так одно и одно толчение в ступе.

22 октября. Праздник Казанской [иконы] Божией Матери.

Сегодня исполнилось пять лет с тех пор, как я в первый раз пришла к Архангелу. Да, уже пять лет, как я в этой школе учу. Много за это время (как говорят) „воды утекло“. Прочитала первый день занятий в школе. Там была еще в школе молитва, а теперь? Теперь даже и самой нельзя ходить в Архангельскую церковь. Откажут от места, если пойдешь, а чем же жить без школы? Без детей? Господи! неужели Ты прогневаешься на меня и отнимешь у меня церковь в Угличе. Там бывает полна моя душа, особенно за богослужениями нашего дорогого страдальца за веру православную и всех нас епископа Серафима. Завтра ему опять явиться в Рыбинск на допрос. Что-то скажут? Пресвятая Дево! буди ему помощница и заступница, моли Сына Твоего, да укрепит его, как столп непоколебимый, среди бурь и волн житейских!

Светишися свет его пред человеки, и помоги, да тако и просветится! Не только своею проповедью владыка заставляет веровать – молиться, но и теми от всего верующего, чистого сердца возгласами при богослужении, которые доходят до сердца, до души, несмотря на толстую оболочку суеты мирской, их покрывающую.

15 ноября. Первый раз со времени назначения в школу учительницы одна в школе. Как хорошо! Господи, как хорошо! Как мне благодарить Тебя за все благодеяния, а я еще колеблюсь – сбивают с толку. Нет и нет, не будет этого, а будет так, как было, есть и будет. Прочь все сомнения! все темные хитрые нашептывания! Бог и добрые люди еще, верно, не покинули меня. Вперед, по прямой дороге! Довольно, два месяца и так промучилась, проколебалась, протрадала, ведь это не жизнь, а пытка, но, может быть, и она необходима, чтобы не загордиться, не поднять нос кверху. Не мешает, не мешает! Зато как что-то хорошо теперь. Легко, уверенно, хорошо! Помоги, Господи, Покров Царица Небесная, и впереди перенести все бури и искушения! Не отнимите у меня этот дорогой талисман, который дает мне силы переносить все искушения, твердо стоять на избранном пути.

28 ноября. Сегодня одна в школе. Сижу – работаю, вспоминаю прошедший праздник

великомученицы Екатерины. Как хорошо он прошел! Служил первую литургию в сане архиепископа в нашем Котовском храме высокопреосвященный Серафим. Помоги ему, Господи, с внешним повышением еще выше встать духовно! Покрый его всемогущим омофором, Пречистая Дево! Моли за него Господа, святая великомученица Екатерина, да подаст Он ему силы вещать вверенным людям правду святую, да оградит путь его от разбойников, ранящих душу человека! Помоги, помоги ему, Господи, во всем!

13 декабря. Сегодня возвратилась с уездной конференции. Писать, как там протекала работа, какие были заслушаны доклады, что-то не хочется – надоело. Учительство и работа среди населения на первом месте, а школа? – ну ребятки еще малы, пусть подрастут. Зимние каникулы с 11 декабря. Первый год еще в это время придется недельку лишнюю прогулять. Пока была на съезде, коллега моих учеников отпустила. Сегодня ходила в деревни проверять, по-моему ли? Устроила взрослых учиться. Взятся их учить крестьянин-самородок с большим талантом по рисованию и музыке» (*Архив епископа Рыбинского и Угличского Вениамина (Лихоманова). Дневник исповедницы Ираиды Тиховой.*).

³ Воскресенский Василий Васильевич (1882 – после 1939). В 1908 г. закончил Казанскую духовную академию. Преподавал греческий язык в Угличском духовном училище. В 1918 г. после преобразования училища во 2-е высшее начальное училище состоял учителем и председателем педагогического совета. В 1922 г. был рукоположен в сан священника. Неоднократно подвергался арестам и заключениям в лагеря.